

Евгений Шалашов
Олег Ковальчук

Воля императора
ДВОЙНИК

Олег Валентинович Ковальчук
Евгений Васильевич Шалашов
Воля императора. Двойник
Серия «Воля императора», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288720

Аннотация

Похоже, я попал в рай...

Идеальная Россия 1940-го года!

Российская империя не участвовала в Первой мировой и не была растерзана революцией. Остальным странам остаётся лишь плестись в хвосте. Я, как учитель истории, счастлив, но события спешат наверстать своё.

Император готовит преемника на трон, а над страной нависла катастрофа, которую, похоже, вижу только я...

Содержание

Глава 1. У зеркала	5
Глава 2. Знакомство с родителями	10
Глава 3. Утопия или история новой Российской Империи	22
Глава 4. Жизнь в радужных цветах	37
Глава 5. Вежливое принуждение	51
Глава 6. Настойчивая просьба	64
Глава 7. Уходящая эпоха	81
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгений Шалашов,

Олег Ковальчук

Воля императора. Двойник

*** * ***

Глава 1. У зеркала

Утверждать на сто процентов не возьмусь, но я, кажется, не умер. Дышу, что-то чувствую...

Последнее, что запомнил – как придерживал дверцу, чтобы народ успел выскочить... Потом меня силой швырнуло о металлический борт. После чего всё вокруг залило пламенем.

Помню грохот взрыва и... чувство, что боль разрывает меня на части. Даже думать об этом больно.

Человек на две трети состоит из жидкости, а если она закипает, то тело попросту разрывает на куски. А раз тела больше нет, может, здесь присутствует только моя душа? Нет, душе в туалет не хочется, а мне вот хотелось. А ещё хотелось пить.

Эх...

Наверное, я в госпитале. Хорошо, что нет боли, но даже представить боюсь, что обнаружу, когда начну себя исследовать.

Раскрыл глаза и огляделся. Комната, в которой находился, явно не похожа на больничную палату. Скорее на вполне обычную комнату обычного жилого дома. Потолки высокие, похоже, дом очень старый. Сталинская постройка? Или ещё дореволюционная? Мебель тоже, какая-то старомодная, хотя и заметно, что дорогая. Вон, зеркало в деревянной резной

раме. Я такое только в музее видел. На противоположной стене шкаф со стеклянными дверцами, заполненный книгами с золотыми и серебряными переплетами. Около окна массивный письменный стол, на котором аккуратные стопки книг, какие-то бумаги, письменный прибор. Неужели чернильный?

Глубоко вздохнув, я решил-таки осмотреть себя и... не обнаружил абсолютно ничего необычного. Цел. Ран или повязок не видно.

Видимо я родился в рубашке. А думал, что конец мне. Тут меня настигла мысль: а, может, и правда конец. Может, я на том свете?... Я все-таки погиб, а теперь попал куда-то туда, где мне зачем-то воссоздали историческую обстановку. Как-никак историк. Глупость, конечно, но в голову ничего более здорового не лезло...

Хотя я ведь мог провалиться в коме, а потом меня перевезли из больницы на какую-нибудь частную квартиру с музейной обстановкой? Эта версия была ещё бредовее, где сейчас такая обстановка отыщется и на кой леший кому-то понадобилось меня куда-то перевозить... но как объяснить всё?

Ну не может же быть всё настолько хорошо. Я не верю в чудеса. И тот взрыв мне не приснился. Как минимум, ему многое предшествовало.

Обругав себя за пессимизм, я поднялся на ноги и убедившись, что правда в порядке, пошёл-таки к зеркалу. В зеркале

был... я. Но что-то всё равно было не так, будто я стал моложе. Да и зрение, которое лет пять, как испортилось, очков не требовало. Провел языком во рту. Хм... А куда делась пломба? И вот здесь откуда-то взялся зуб, который был вырван ещё на первом курсе. Сам виноват – можно было вылечить, а я боялся идти к стоматологу. А зуб-то на месте. Складывалось ощущение, что я помолодел лет на десять. Похоже вариант с комой тоже отпадает.

Я смотрел на знакомого незнакомца, отражающегося в зеркале. Это был и я, и не я. Таким я был десять лет назад, когда заканчивал универ и ухаживал за Маринкой. Маринка... И дети... Они ведь не знают, что я в порядке. Надо срочно их найти!

В этот момент, я заметил за спиной какую-то тень. Хотел было обернуться, но в следующий миг меня обхватил кто-то со спины, а на горле сцепились сильные пальцы. Я попытался высвободиться, но будто в стальных тисках оказался. В следующий миг я понял, что в зеркале-то никого нет! Да что здесь происходит вообще?!

Я судорожно принялся вырываться из хватки, при этом ища хоть что-то, что можно использовать в целях самообороны.

– Спокойно. Не дёргайтесь, – от этого голоса, у меня мурашки пробежали по спине. Успокаиваться я не собирался, но раз уж злоумышленник решил поговорить, послушаем. – Мне велено передать вам послание и убедиться что вы се-

рьёзно воспримете. Кивните если понимаете, что я говорю.

Я кивнул, по-прежнему пытаюсь разглядеть того кто прячется за моей спиной. Кстати, я с трудом разглядел чужую руку на своём горле, она будто кожа хамелеона, сливалась с окружающим пространством.

– Вы больше не в своём мире. Теперь вас зовут Павел Алексеевич Кутафьев. От того, как быстро вы вживётесь в свою новую роль, будет зависеть ваше будущее и ваша жизнь. Вам всё понятно?

Я снова кивнул.

– Не забывайте, – произнёс голос и хватка тут же исчезла. Я резко развернулся, готовый напасть на обидчика, но комната была пуста. Так, он же спрятался! Я ведь даже руку его разглядеть не мог.

Я с минуту внимательно оглядывал комнату, при этом вода перед собой руками, но помещение выглядело пустым.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – рассеянно ответил я на автомате.

В комнату вошла совсем молодая девушка в сером платице а-ля гимназистка, белом переднике, а на голове какая-то беленькая шапочка, вроде косынки. А, вспомнил – наколка.

Я подозрительно посмотрел на девушку.

Это у нас кто? Горничная? Или у кого-то такие дурацкие ролевые игры? Я не сразу сообразил, что стоял... Нет, не в трусах, а почему-то в кальсонах и нательной рубаше, которые до этого видел лишь по телевизору. Говорят, в армии их

еще в начале девяностых годов упразднили. Девушка, тут же опустила взгляд и залилась краской.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Здравствуйте, Павел Алексеевич, – ответил девушка, – вас, Ирина Львовна зовёт.

Ну, с Павлом Алексеевичем я уже почти смирился, поэтому решил не вдаваться в расспросы, почему она меня так назвала, вместо этого спросил другое.

– Кто такая Ирина Львовна?

– Как кто? – охнула девушка, – Ваша матушка... Ну и шутки у вас, право.

Глава 2. Знакомство с родителями

То и дело оглядываясь, я кое-как отыскивал одежду, хоть она и висела в шкафу. Непривычно копаться в чужих вещах, хотя горничная и уверяла, будто комната моя вместе со всем имуществом. Да и человек этот таинственный... Ну раз уж они утверждают...

Умудрился одеться без посторонней помощи, хоть это оказалось и непросто. Брюки вполне обычные ещё и по размеру, только с пуговками вместо молнии, рубашка тоже села как влитая. Так, галстук... Ну, раз висит, значит, нужно его повязывать. С душевным скрипом умудрился-таки завязать кривой узел, отдаленно напоминающий «винзор». Пока одевался, то и дело выглядывал в окно. Увидел не больше десятка автомобилей и выглядели они, мягко говоря, необычно. Можно было бы предположить, что они все раритетные, но я хорошо разбирался в марках автомобилей и ничего знакомого разглядеть не смог. Однако оставалось ощущение, что будто в прошлое попал. Кричащей рекламы газировки и других товаров народного потребления тоже не увидел. Зато какой-то мальчишка голосил, продавая газеты.

Я прислушался к крикам зазывалы:

– Наместница императора в Финляндии вдовствующая великая княгиня Анастасия расторгла помолвку с племянником германского императора! – надрывался паренёк, а

я аж головой помотал. Бред какой-то. Император Финляндии...

Будто и правда другой мир.

Наконец одевшись, оглядел себя в зеркало. Наверное, глуповато выходить к завтраку в собственном доме при полном параде, но мне почему-то показалось это правильным. Раз я теперь Павел, а внизу мои родители, попробую подыграть и посмотреть, что из этого выйдет.

Однако с полным парадом я явно перемудрил. В столовой, что размером превышала две моих комнаты, за длинным столом сидел пожилой мужчина в халате и с газетой в руках. Напротив него расположилась довольно миловидная женщина, удивительно похожая на мою мать, в простом домашнем платье. Во всю стену огромный буфет, а внутри нечто фарфоровое и очень дорогое. Очень похоже на Гарднера или Виноградова. Если так, то люди которых горничная назвала моими родителями, люди очень небедные. На противоположной стене огромное окно, демонстрирующее совсем несовременный вид на город.

На столе... Нет, не хрусталь и бронза, а фаянс и серебро, а еще салфетки. Очень интересно, я будто на приёме. Мне не забыть бы, что нож держат в правой руке, а вилку в левой. Про остальное и подумать боюсь.

Голова кругом идёт.

Нарочито медленно подошёл к столу, чтобы получше оценить обстановку и разобраться в происходящем.

Окно оказалось приоткрыто, и с улицы донеслись крики чаек. В принципе, озерными чайками никого не удивить, но эти орали так противно, словно недалеко море. Хотя из окна комнаты, где проснулся ничего подобного видно не было.

Уставившись в окно, смог получше рассмотреть дом, расположенный напротив. Выглядел он так, будто это декорация из фильма про старый Санкт-Петербург.

Да уж, всё вокруг будто нарочно сбивает с толку.

Предположим, что я уже почти смирился с тем, что каким-то образом попал в прошлое. Да и Питер мне всегда нравился. По крайней мере не Сибирь и не Англия... В Питере я хоть немного ориентируюсь. Но что я здесь делать-то буду?

Мои предполагаемые родители занимались своими делами, а я замешкался судорожно пытаюсь сообразить, как следует с ними поздороваться. Учитывая все признаки. Я оказался в начале двадцатого века. По крайней мере, тогда прислуга была вполне обычным делом.

Я помассировал переносицу, пытаюсь оживить в памяти хоть что-то: Фильмы, книги исторические издания. Надо ведь понять, как себя вести, чтобы не выдать с головой своё самозванство. Может, нужно поцеловать ручку у матушки, а заодно приложиться устами к волосатой лапе папеньки? Ну нет, последнее точно будет лишним. Это больше относится к итальянским фильмам про сицилийскую мафию.

А как обращаться к ним? На ты или на вы? И вопрос не странный, в некоторых регионах современной России, не го-

воря уже о соседях, принято к родителям обращаться исключительно на вы. Друг-украинец, помнится, говорил своей маме «мама, вы», чем меня всё время изумлял.

На периферии зрения мне показалось движение какой-то тени. Похоже у меня теперь паранойя развиваться начнёт, однако это заставило соображать быстрее.

Эх, была не была. Раз уж оказался посреди исторического кинофильма, значит буду отыгрывать на полную.

– Доброе утро, – поприветствовал я. Подошел к матушке и, приобняв ее за плечи, поцеловал в щечку.

– Доброе утро сынок, – удивлённо округлив глаза, поприветствовала меня Ирина Львовна, и погладила по руке. Она тут же потянулась и чмокнула меня в лоб. Я от этого смутился. Да и матушка, очевидно, удивилась сыновьему поцелую. Однако явно порадовалась ласке.

– Хм... – удивленно вскинулся поверх газеты мужчина, считающийся моим отцом. Кажется, у парня на чьём месте я оказался, не было привычки проявлять излишние чувства к родителям. Отметим. Лучше не переигрывать. Хотя, мне от поглаживания по руке стало гораздо легче, да и на душе спокойнее. Определенно, эта женщина даже слишком похожа на мою мать, оставленную где-то в прошлом, за чертой смерти.

Отца я конечно же целовать не стал – как минимум, не привык целоваться с мужчинами, пусть и считающимися мне родней. Просто ограничился поклоном.

– Ира, у вас какие-то новости? Я чего-то не знаю? – удив-

ленно спросил папаша, переводя взгляд с меня на мать. — Обычно он как варвар в одном исподнем заявляется — и сразу за еду. А тут вышел при галстуке... Или это весна так на юношу повлияла.

Ещё прокол. Лучше не выпендриваться.

— Алексей, мальчик много занимается, — вступилась за меня Ирина Львовна. — Может у него сегодня экзамен. Он будущий адвокат. Не то что ты со своим скудным коммерческим училищем.

— Судьёй, — поправил тут же отец, а затем повторил с нажимом. — Наш сын будет судьёй. И, к слову, сегодня выходной.

Ирина Львовна лишь закатила глаза, и принялась обмахивать себя, взявшимся откуда-то веером.

Вот оно как. Значит, я в роли студента, и учусь на правоведа, то есть, юриста. И, судя по всему, учусь хорошо. А я ведь историк по образованию. На юриспруденцию похоже, но очень отдалённо и в полной темноте. Ну ладно, выкручусь как-нибудь. На крайний случай, окончит Павел свой университет на трояки. Если, конечно, до этого момента я не вернусь в своё время... Хотя, учитывая, что предшествовало моему перемещению сюда. Похоже, что мне некуда возвращаться.

— В любом случае, у мальчика образование будет куда лучше, чем у отца, — продолжила тем временем Ирина Львовна. — Правовед, это уже не купец.

– Правовед, хреновед, – забурчал отец. – а может лучше бы и в коммерцию пошёл. Как все люди пошел бы по стопам отца. Мы промышленники в третьем поколении, а сын... правовед. Так что, или переучиваться, или судья, я всё сказал. – с этими словами, отец снова спрятался за газетой.

Мать в ответ что-то проворчала. Я лишь некоторые обрывки смог уловить:

– ...Кому мешало образование? ... государственная карьера, ... семейная контора... ... потомственным дворянином...

Я жадно впитывал информацию, следя за их пикировкой и почти не дыша – боялся спугнуть.

– А ты чего стоишь, – вдруг посмотрела на меня мать. – А есть кто будет? Пушкин?

Однако отец, который похоже тоже уловил некоторые обрывочные фразы, так просто сдаваться не собирався:

– Ирочка, мы уже с тобой сто раз говорили о твоих дворянских корнях и о твоей длинной родословной, как у породистой болонки... Право слово.

Внутренне порадовавшись тому, что внимание матери снова отвлечено, принялся дальше слушать их спор. Судя по всему, мои здешние родители давно ведут какой-то старый спор о дворянстве и прочем... Однако на сей раз матушка, похоже, обиделась. Видимо, из-за болонки.

– Ну знаете ли, Алексей Павлович, – вскинулась матушка. – О моих дворянских корнях в Бархатной книге написа-

но, — дальше её голос стал опасно тихим. — Да и родовые способности никто не отменял.

Ирина Львовна демонстративно выставила указательный палец, а затем прислонила его к чашке. Я с удивлением обнаружил, что напиток принялся сначала булькать, а потом и вовсе закипел.

Вот это да. Родовые способности. Это что ещё за новости такие? Интересно, я так же могу? А как спросить, чтобы подозрений не вызвать?

— И что толку от этих твоих родовых способностей? — отмахнулся отец. — Чай я и в самоваре могу вскипятить.

Ирина Львовна недовольно отставила чашку. По её лицу было видно, что голова женщины усиленно работает над каким-то особенно колким ответом.

— А ваши предки, у моих пашню пахали, — наконец нашлась она.

Отец, не опуская газеты, издал очень глубокий и протяжный вздох.

— Сейчас начнётся перечисление родословной до двадцатого колена, и кто кого порол...

— Мои предки со времен Екатерины второй никого не пороли, а ты даже термина «гуманизм», наверное, не знаешь, — поджала матушка губы. — А Нарышкины, самые близкие родственники Петра Алексеевича. А я, к твоему сведению, их дальний потомок.

Что-то мне подсказывает, они так бесконечно могут пре-

пираться. Ну а я, как истинный историк тут же начал анализировать полученную информацию, принялся сопоставлять факты. Если уж я и попал в прошлое, то мир для меня явно не родной. По крайней мере, я не слышал, чтобы наше дворянство чай прикосновеньем кипятило.

Но учитывая прозвучавшие фамилии, какая-то связь с прошлым России моего мира есть.

Ирина Львовна, получается, принадлежит к роду, из которого вышла Наталья Кирилловна Нарышкина, мать первого императора? А Лопухины тут при чем? Супруга Петра кажется из рода Лопухиных, а их сын Алексей казнен по приказу царя. Последний из царствующих Лопухиных Петр Второй умер не то от оспы, не то от пьянства. Даже если матушка из Лопухиных, то к нынешнему правящему дому она никаким боком не относится, как, кстати, и я.

У меня перед глазами будто учебник истории раскрылся. Я и так, в студенческие годы, от изучения фамилий и дат истинное удовольствие получал, а тут и вовсе оказался в любимой среде. Как бы кощунственно это не звучало, я искренне надеялся, что их спор не прекратится.

Но пикировка родителей шла не всерьез. Невооружённым глазом было видно, что и отец, и матушка – любят друг друга.

– Ирочка, ты же знаешь мое мнение, – вздохнул отец. Опустив наконец газету. – Дворянство человек должен получать за свои заслуги, а не фокусы, и не за деяния давно усопших

предков. Вот, подожди пару лет, а там, за мои пожертвования мне положено и звание, и орден святого Владимира, я уже справлялся. Вот, я сам стану потомственным дворянином, и Пашка тогда наш дворянчиком станет, причём со способностью. – я тут же наострил уши, но отец решил не заострять внимание на интересующей меня теме. – И никаких ему канцелярий не нужно или родовитых потомков. – отец отложил в сторону газету и, наклонившись, потянулся ладонью к руке жены. Видимо вопрос дворянства был для неё болезненным, и отец из кожи вон лез, чтобы угодить жене. – А если молодые парни штаны просиживают и титулы получают, так это не про нас. Мы будем делом доказывать. И вообще, давай-ка лучше завтракать. А то Дуняша уже заждалась.

– Дуняша! – громко позвала матушка. Давешняя горничная, словно бы ожидавшая за дверью появилась в столовой и принялась раскладывать по тарелкам кашу. Слава богу, что не овсяную. Судя по запаху – рисовую. Рисовую я люблю.

Тут же направился к свободному месту в ожидании еды.

Когда каша была разложена, отец и мать встали. Глядя на них, встал и я, заработав ещё один удивленный взгляд. Глава семейства, как и положено, начал читать молитву:

– Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нас пищу и питье молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих, яко благословен во веки веков. Аминь.

Матушка повторяла, а я просто шевелил губами, потому что текста молитвы не знал, но тоже осенял себя крестным

знамением.

Алексей Павлович перекрестил еду, и мы чинно уселись, заработав ложками. Но все-таки, отец, который то и дело бросал на меня косые взгляды, не выдержал и спросил:

– Павел, ты же все время говорил, что ты атеист? С чего вдруг молиться начал?

– Сам не знаю, – едва не подавившись пожал я плечами. – Вот, нашло что-то с утра, – от меня явно чего-то ещё ждали, поэтому я добавил. – Взглянул в окно и будто осенило. Видимо день сегодня такой... Солнечный.

– И правда, день сегодня благодатный, – поспешно поддержал меня отец. – Ты так почаще в окна заглядывай. – охотно продолжил он, а затем, легонько хлопнув по столу ладонью, шёпотом добавил: – А с медичкой своей пореже гуляй. Я матери давно говорил, что влияние её, до добра тебя не доведёт. Ишь, атеистка она. Сама не верит, и других за собой тянет. Хорошо хоть одумался.

– Вот это ты зря, – тут же заступилась матушка. – Марина – прекрасная девочка из хорошей семьи. Между прочем, из столбового дворянства. Они с Пашей отличная пара. А то, что она учится на медичку, ничего страшного. Выучится, потом замуж выйдет, внучку мне родит, тогда сразу поумнеет.

– Сына, – тут же буркнул отец, а потом добавил: – А лучше другую найди. Что, в Петербурге хорошие девушки уже перевелись?..

Неожиданно в разговор вмешалась горничная, собирав-

шая со стола грязную посуду:

– Марина Петровна – замечательный медик, зачастила она едва слышно. – Я позавчера попросила, чтобы она посмотрела маленького, так сразу же собралась и поехала.

– А что с маленьким? – тут же сместила фокус внимания матушка. – Дуняша, если нужен врач, ты только скажи. Или деньги нужны?

Девушка тут же растерялась от напора матушки, а Ирина Львовна перевела требовательный взгляд на папеньку, после чего тот сразу же подскочил с места:

– Да, Дуняшка, сколько денег нужно? – заговорил он важным тоном, будто годами репетировал эту речь. – Говори, не бойся. Знаю, что ты у нас девушка с амбициями, но так нельзя...

– Алексей Павлович, не волнуйтесь, – замотала головой горничная, принимаясь разливать по чашкам ароматный чай. – Если бы на доктора деньги нужны были... Но Марина Петровна сказала, что ничего страшного, просто у малыша зубки режутся. Пообещала, что, если нужно, она привезет с собой педиатра.

Опа... Молодая горничная. Ребёнок... А не натворил ли этот Павел дел? Всё пока неплохо складывается, но личных драм хотелось бы избежать. Мне ведь ещё жену искать. Если, конечно, всему происходящему есть какое-то логичное объяснение, и она меня ждёт.

Однако ситуацию тут же разрядила Ирина Львовна:

– Как там, Иван-то твой? Когда на побывку обещают отпустить?

– Ох, Ирина Львовна, он и сам точно не знает, – аппарат они новый глубоководный испытывают, а какой – про то и писать нельзя. А Иван-то мой главный по дизелям, куда его нынче отпустят? Но грозился, что как только на побывку приедет, сразу же в церковь пойдем, повенчаемся, а потом он меня к себе заберет. Жену-то начальство разрешит на военной базе держать, а вот просто женщину, хоть и с ребенком, ни в коем разе.

Тут меня будто что-то дёрнуло. Я тут же поглядел на горничную. С ней явно было что-то не так. Вернее, она что-то не то сказала, и всё моё нутро на это отозвалось.

Я попытался проанализировать себя и понять, что же только что произошло, но тут мой взгляд упал на заголовок газеты, что сжимал в руках мой отец.

«Доживёт ли Николай Второй до 1941 года?»

Чего?!

Глава 3. Утопия или история новой Российской Империи

В порыве чувств, я вскочил на ноги и, позабыв обо всём, сам не заметил, как оказался перед отцом.

Алексей Павлович уставился на меня подняв брови.

– Папенька, – наконец нашёл я слова. – а могу я у вас попросить газету.

Отец повернул голову жене.

– Молодёжь, нынче... – не договорив, он перевёл взгляд на меня. – Имейте терпение молодой человек. Вот дочитаю, тогда и возьмишь.

Под озадаченными взглядами родителей и горничной я развернулся на пятках и побежал в сторону выхода из дома. Матушка меня, кажется, окликнула, но я не отреагировал и не вслушивался, что она сказала. Сейчас мне было не до условностей и вежливости. Моей целью был тот самый мальчишка, который продавал газеты на углу. Судя по всему, то, что он там кричал было не такой уж и чушью.

Сердце колотилось от возбуждения, а я на всех парах мчался вперёд.

– Газету! Срочно! Давай сюда! – накинулся я на мальчишку.

– Сначала заплатить! – воскликнул оборванец, попытав-

шись спрятать стопку газет за спину.

– Да... Сколько? – спросил я, едва сдерживая себя в руках.

– Двадцать пять копеек, – заявил мальчишка.

Меня снова передёрнуло, как тогда, после слов горничной.

Мальчишка выжидательно смотрел на меня. Его глаза сощурились, а уши покраснели. Врёт наверное...

– Это за всю стопку что ли? – хмыкнул я, взяв себя в руки.

– Это за газету, – насупился парень, – но для вас сделаю скидку, десять копеек.

Ага, вот сейчас правда. Будто подтверждая это, по телу разлилась тёплая волна.

Так, а про деньги-то я и не подумал. Тут же похлопал себя по карманам и услышал звон. Похоже деньги есть.

Я достал из кармана несколько металлических монеток и заплатил мальчишке нужную сумму, с жадностью ожидая, когда сорванец наконец даст мне желанную газету.

Спустя минуту, я рассеянно брёл по проспекту, жадно вчитываясь в новостную ленту.

Информации было мало, но кое-что удалось вычлениить.

Сейчас было четвёртое мая 1940 года. У власти и правда был живой и вполне здоровый Николай второй, которого периодически называли пророком, а иногда победоносным. Старику было уже почти семьдесят, и он во всю готовил наследника: своего внука Александра. Тот был единственным сыном старшей дочери Николая. Ольги. Информацию о дру-

гих наследниках я так и не нашёл.

Подумать только. Страшный сон историка... Или наоборот, мечта. Нужно дальше разбираться.

Меня вдруг кто-то ухватил за руку.

Я повернулся и встретился глазами с усатым мужчиной в мундире.

– Вы бы на дорогу смотрели, сударь, – назидательно сказал он мне.

Я вдруг обнаружил что нахожусь на перекрёстке, а как раз передо мной выруливал из-за угла автомобиль. Таких я раньше и не видел. Даже на картинках.

– А что это за чудо техники такое, – рассеянно спросил я у усатого.

– Как что? Достояние российской инженерии. Автомобиль Петербуржец.

– Петербуржец, – повторил я и проводил машину взглядом.

Нет, тут с одной газетой точно не разберёшься.

– А вы не подскажете, как мне пройти в библиотеку? – обратился я снова к усатому.

Предупреждение от авторов: дальше в этой главе будет сухая историческая сводка и сравнение изменений произошедших в Российской империи. Если желаете перейти сразу к сюжету минуя статистику, просто пропустите главу.

Несмотря на то, что сегодня была суббота, Императорская библиотека была открыта для всех желающих. Меня быстро

проверили по картотеке, а во внутреннем кармане пиджака я обнаружил читательский билет.

Долго пытался разобраться с источником, в итоге остановился на «Статистическом справочнике Российской империи за 1938 год» изданный фирмой «Сытин и Сытин».

Я уже приготовился вгрызаться в содержимое книги, переполненной ятями и ерами, но, к своему удивлению, обнаружил вполне привычный текст. Похоже реформа азбуки здесь прошла вполне успешно.

Первым делом уставился на карту империи.

Хм... Польша и Финляндия в составе России. Точнее – Великое княжество Финляндское и губернии Привислинского края. Привислинский, видимо, значит, при Висле. Если кратко Царство польское, интересно. Стало быть, в Варшаву можно без визы ехать. И в Хельсинки, по-здешнему Гельсингфорс, тоже. А я ведь в прошлой жизни бывал и там, и тут. Мне аж захотелось, съездить туда и посмотреть, как там всё выглядит сейчас.

Чем больше вчитывался в книгу, тем сильнее колотилось сердце, а я едва сдерживался чтобы не вскакивать после каждого факта и не начать расхаживать из стороны в сторону.

Библиотекарь с толстыми линзами, то и дело поглядывал на меня, видимо удивляясь, чего я там такого вычитал.

Население империи – четыреста миллионов человек! Да в моём времени и того меньше было!

Помнится, накануне Первой мировой войны численность

населения насчитывала около ста восьмидесяти миллионов, не должно быть такого. Нет, если допустить, что не было ни войн, ни революций... но такого западные завистники просто не допустили бы.

Если мне память не изменяет, весь раскол Российской империи начался с поражения в русско-японской войне... Как я когда-то учил – это была историческая неизбежность.

Цветные портреты правителей. Царь и царица выглядят старше, нежели я запомнил. Ничего удивительного. Тут им уже далеко за шестьдесят, а ведь ни Николай, ни Александра до этой даты не должны были дожить.

Так смотрим дальше...

Пока все как в моей реальности – государь император Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский... и прочая, взошел на престол в тысяча восемьсот девяносто четвертом году, короновался два года спустя. Женат на Александре Федоровне, в девичестве именовавшейся Викторией Алисой Еленой Луизой Беатрисой. Детей столько же, сколько и в моем мире. Годы рождения у дочерей указаны, даты смерти нет, стало быть... ещё живы. Подумать только! А вот рядом с именем цесаревича Алексея стоит пометка «В бозе почивший тысяча девятьсот двадцатый год». Все-таки, мальчик прожил немногим дольше, чем в нашей реальности. Видимо из-за гемофилии. Лекарства так и не придумали.

Что еще интересного в справочнике? А много чего ин-

тересного, потому что данные приведены в сравнении с европейскими и иными показателями. Значит, протяженность железных дорог у нас составляет двести тысяч верст, что равно протяженности железных дорог США и Германии вместе взятых. Ничего себе! Помнится, в России двадцать третьего года двадцать первого века таких цифр не было. А здесь-то еще только сороковой год двадцатого века.

Вся карта Российской империи испещрена условными значками, означающую добычу полезных ископаемых и промышленные предприятия. Большинство помню еще со средней школы, а некоторые в новинку.

Нефть и каменный уголь. Значков много, но это не удивительно. Газовых месторождений пока нет, но газ начнут активно использовать позже. Производство алюминия. Вот это да! Мы производим алюминий? В моей истории в тридцатые годы нашли месторождения, но выпускать помешала война. Даже еще помню – фашистская Германия в числе прочего поставляла нам алюминий чуть ли не до двадцать второго июня.

А вот совсем любопытно – двадцать моторостроительных предприятий. Моторостроительные – это что? Изготовление только двигателей или ещё и автомобилей?

Так. Десять авиастроительных предприятий. Это, как я понимаю, лишь гражданская авиация. Или военная тоже? Но если свой алюминий, то можно и то и то выпускать. Четыре завода по изготовлению helicopters. Видимо это вертолёт-

ты. Причём имеется приписка, что кроме как в России, больше нигде их и не строят. Значит, господин Сикорский никуда не уехал, а проявил себя на родине.

Судостроительные и судоремонтные заводы. Один, два... десять... пятьдесят штук? И куда нам столько? Я аж пот со лба вытер. Россия экспортирует корабли что ли?

Не утерпев, полез к карте. Судостроительные заводы в Петербурге, Гельсингфоргсе, Одессе, Николаеве, Феодосии, а еще развернуты вдоль всего северного побережья. Я и городов-то таких не слышал. Ольгенград, Алексеевск-на Двине. У Романова-на-Мурмане целых три судостроительных предприятия. Романов, что на Мурмане, наш Мурманск? Почему целых три завода? Если подумать, наверное, там имеется своя специализация. Отдельно пароходы, отдельно ледоколы, отдельно подлодки.

Похоже Российская империя стала поистине Великой.

В Воркуте, судя по значку, добывают уголь, в Вологде и Череповце устроены металлургические заводы, обеспечивающие север металлом.

Ещё у нас имеются радиозаводы. Этих немного, всего-то пятнадцать предприятий. Я не удержался от усмешки. Зато они раскиданы от Москвы и до самых до окраин.

Есть какой-то завод по изготовлению «визоров». Визор – это что такое? Может, производное от телевизора? Ну раз революции нет, значит Зворыкин остался в России.

Я откинулся на стуле и помассировал виски. Удивительно.

Что примечательно, промышленные предприятия в этой России не сосредоточены в Западной части страны, как это было в первой половине двадцатого века, а равномерно распределены по всей карте. Упор сделан на освоение и развитие Сибири и Дальнего Востока. На удивление разумное решение, строить предприятия ближе к сырью или транспортным артериям. А здесь сырье рядом, есть железные дороги и Северный морской путь.

Россия лидер по выпуску чугуна и стали, правда слабо развита электроэнергетика. Не вижу никакой централизации. Нет, имеются гидроэлектростанции, питающие промышленные предприятия, но отчего-то слабо охвачены населенные пункты. Интересно почему? Может, не хватает меди для изготовления проводов? Так нет же, хватает, вон имеется обозначение – добыча меди. Меди хватает, алюминий есть. И отчего-то в статистическом справочнике нет данных ни о телефонной, ни о телеграфной связи. Не может такого быть, чтобы радио изобрели, а телефонов нет. Да что там – я же в столовой у своих новых родителей видел телефонный аппарат. Красивый, довольно-таки компактный для сороковых годов. Правда меня смутило отсутствие провода... Ну не могли ведь здесь уже додуматься до спутниковой связи? Нет, такого не может быть. В космос мы точно пока не вышли, а без этого не будет цифровой связи.

Но здесь явно что-то не так.

Если имеется развитая промышленность, то к ней нужны

квалифицированные рабочие. Насколько помню, по переписи 1897 года грамотных у нас было не то двадцать три, не то двадцать пять процентов населения. А сейчас... Батюшки – девяносто пять процентов взрослого населения! Пять процентов, как я полагаю, это старшее поколение, которому учиться уже нет смысла.

Да быть такого не может! Если покопаться, понятие «грамотность» штука коварная. Считать ли грамотным того человека, который может написать собственное имя, расписаться в ведомости, но не более? Но всё же, количество предприятий заставляет задуматься.

Поискал информацию об образовании.

Начальных школ, в среднем, четыре штуки на тысячу человек. Тысяча человек... Дети до восемнадцати – ладно, пусть до шестнадцати лет, как правило, составляют половину. Одна школа на сто детишек? Неплохо! Не помню, какие показатели у нас были в сороковом году, но явно меньше. Получается, что все дети младше десяти лет получают начальное образование?..

Средних школ меньше, только две на десять тысяч человек, зато много училищ. Стало быть, упор делается на профессиональное обучение. Очень изящное решение. А что у нас с вузами? В справочнике указаны лишь государственные университеты – их двадцать, да институты – целых сто. В принципе, очень хорошо.

Да это какая-то Россия мечты. Похоже я и правда попал

в рай для историка.

Вопрос только: откуда все взялось? Может, инопланетяне высадились и постарались сделать из Российской империи процветающий оазис?

Надо больше информации.

Покопавшись среди других справочников, нашёл военную сводку последних лет.

Пролистал прошлое. Предков – Александра Третьего и Марию Федоровну, тоже пропускаем. Про Ходынское поле, десятки погибших и сотни раненых ничего не сказано, что неудивительно. Кто же напишет о событиях, бросающих тень на правителя?.. Или здесь не было кровавой Ходынки, из-за которой царь получил свое прозвище Кровавый?

Так...

Русско-японская война...

А вот здесь нестыковка. Она проходила совсем иначе, нежели в моей реальности. Во-первых, про революционную ситуацию и желание царя малость повоевать, чтобы отвлечь внимание населения от социальной действительности с помощью «маленькой победоносной войны» ничего не сказано. Но это ни о чём не говорит.

Принялся поглощать сухую информацию из справочника с интересом школьника читающего комикс.

Летом тысяча девятьсот третьего года Тихоокеанская эскадра была преобразована в полноценный флот под командованием вице-адмирала Макарова.

В ночь на 27 января (по новому стилю 9 февраля) 1904 года японский флот, без официального объявления войны, предпринял попытку напасть на русские корабли.

Вице-адмирал Макаров успел к тому времени вывести свой флот из порта и японских моряков ждало нешуточное разочарование – вместо легких мишеней они получили готовые к бою мощные корабли, начавшие торпедные атаки. Как следствие – треть японского флота были потоплены недалеко от Порт-Артура, треть судов получили серьезные повреждения и либо затопили себя вместе с командами, либо сдались в плен.

Адмирал Того, сумевший сохранить только жалкие остатки флота, по возвращении домой сделал себе харакири. Наверное, правильно было бы написать «сепуппо», но какая разница?

Разумеется, японские войска не смогли высадить десант на Квантунский полуостров, а Россия получила полное господство на море.

Отчего-то Макаров, ставший полным адмиралом и кавалером ордена св. Георгия Второй степени (а могли бы и Первую дать!) не стал окончательно добивать врага. Конечно же русские корабли нанесли «ответный визит» в японские порты, почти не усиленные артиллерией, и расстреляли кое-какие суда, но не более.

И чего они оккупацию Японии не начали. Видимо из-за того, что не знали, как повели бы себя японцы...

Хотя есть данные, что кое-кто из штабных офицеров выдвигал предложения, однако адмирал их отверг.

Хотя может он в чём-то и прав.

В этом случае японцы сплотились бы и дали дружный отпор врагу, а русская армия на Дальнем Востоке совсем не та, что в Западной части империи. Да и зачем России какая-то Япония? Что с ней потом делать?

Макаров ограничился тем, что перекрыл поставки зерна и каменного угля в Японию из Великобритании и США. Русские крейсера азартно гоняли по Желтому и Японскому морям корабли бриттов и американцев, заставляли их либо вернуться обратно, либо пристать к берегу, а когда затопили парочку самых несговорчивых англичан (команды, кстати, спасли!), то поставки продовольствия в Японию прекратились, а микадо запросил мира. Британия, разумеется, разразилась дипломатическими протестами, шумными газетными кампаниями, в которых поносила варварство русских, топивших невинные корабли, всего-навсего помогающие врагам России, почти разорвала дипломатические отношения с нами. Даже отозвала своего посла, но потом передумала и вернула. Вступить с нами в войну тоже не решилась. Ну, ничем не удивили.

Ух, никогда не думал, что буду с таким упоением читать военную сводку.

А дальше...

Мир подписан, император Николай поблагородничал, не

стал сдирать с Японии три шкуры, ограничившись только получением компенсации за ущерб, причиненный подданными Микадо. Но вот захваченные, а также поднятые русскими водолазами японские корабли возвращать не стал, хотя японцы и предлагали за них приличную цену. Деньги, скорее всего, одолжили те же англичане. Но корабли неплохие, они нам ещё послужат.

Значит, Россия получила контроль над Маньчжурией, Кореей и выход на незамерзающие моря. Ляодунский полуостров и Порт-Артур взяты в бессрочную и бесплатную аренду. Ишь ты – бессрочная и бесплатная аренда. Не слышал ни разу про такое.

Нет позорных поражений в войне, нет и Первой русской революции. Напротив – авторитет царя усилился, а либеральная общественность засунула голову в песок, а кто-то и вовсе стал восхвалять гений императора и его прозорливость.

Ну да... В этой реальности никакой гимназистке не пришло бы в голову писать японскому императору поздравительную телеграмму, а вот в моей, подобных случаев было немало.

А раз война не проиграна, флот уцелел и преумножился, то нет надобности брать займы у англичан и французов. А те долги в моём мире были оплачивали не только деньгами, но и кровью солдат, погибших в Мировой войне, которая, по большому-то счету, России была не нужна.

Зачем нам свободный выход через Босфор и Дарданеллы, если Российская империя зарабатывает деньги не только на продаже зерна, но и на торговле сталью и чугуном, на продаже паровозов и пароходов?

Не знаю, курил ли Павел, я вот не курил, но мне сейчас очень захотелось сделать что-то этакое.

На этом сюрпризы не закончились.

В этой реальности премьер-министр Петр Столыпин не погиб от пули эсера, а довел земельную реформу до конца, создав-таки тот самый слой богатых крестьян, призванных приумножить богатство государства и сохранить власть царя.

Читал работы, в которых говорилось, что реформы Столыпина могли бы привести к экономическому и социальному кризису. Дескать – куда деваться бедным крестьянам, оставшимся без земли? Идти в батраки? Но нет, у нас появились фабрики и заводы, куда и отправился трудиться разоренный крестьянин.

Я читал учебник истории, не веря своим глазам. Откровенно-то говоря, никогда не испытывал симпатий к императору Николаю Второму. Даже о том, что царь был расстрелян, не жалел. Вот, девушек и цесаревича жаль, как ни крути, не заслужили они, в отличие от отца, такой смерти. Царевны во время войны работали сестрами милосердия, помогали раненым, а наследник-то совсем ещё ребенок.

А тот ли это Николай Александрович, прозванный Кро-

вавым? Верный муж, любящий отец, талантливый фотограф и отличный спортсмен. И, в тоже время, слабовольный человек, не сумевший подобрать себе достойное окружение, боявшийся талантливых людей вроде Витте или Столыпина. Здесь явно что-то не так.

Я неоднократно встречал упоминания, что император пророк, или ведун. Может, здесь какая-то правда. То, что сегодня продемонстрировала мать Павла, очень удивляет. Так почему императору не быть пророком?

В общем, теперь мне стало очевидно, что я попал в другой мир и мне он очень нравится. Будто Россия, где жил раньше была Россией курильщика, а это Россия здорового человека.

Жаль лишь, что жены и детей нет рядом. Им бы здесь очень понравилось.

Глава 4. Жизнь в радужных цветах

Я вышел из библиотеки с гудящей головой. Просто физически был не способен переработать столько информации и впечатлений за раз. Хотя не сдавался до последнего. Да и многое найти не удалось.

Да, Российская Империя в первой мировой не участвовала. Не произошло Атаки Мертвецов и других ужасов той войны... Но была ли война в итоге, я так и не понял. Соответственно и не ясно как сложилась судьба стран Европы. Идёт ли вторая мировая война? Не стоит забывать, что сейчас сороковой год, а значит двадцать второе июня сорок первого не за горами.

Я как русский человек знающий историю этого периода, просто обязан хоть как-то постараться повлиять на события. К тому же, одно дело, читать об исторических событиях такого масштаба как Великая Отечественная Война, и совсем другое пережить их.

Не знаю, есть ли в моём попадании сюда какой-то великий замысел, или это просто мистическая случайность, но раз уж я здесь, я не имею права бездействовать.

Воодушевлённый и одухотворённый я шагал вперёд и улыбался своим мыслям.

Подмышкой я зажал пару справочников, решил взять для домашнего изучения, и обнаружил как сильно дрожат мои

руки.

Были мысли о том, что может я и правда попал в рай под обложкой идеальной Российской Империи, и вместо того, чтобы наслаждаться, впадаю в паранойю. Но я гнал их подмоченными тряпками. Вот сейчас успокоюсь, передохну, и снова отправлюсь в библиотеку, чтобы перечить всё, что там есть. А потом пойму всё и сопоставлю, и, если обнаружу угрозы, незамедлительно начну действовать.

Опомнившись, понял, что совершенно не помню из какого дома вышел и как вернуться домой, но ноги сами вывели к знакомому двухэтажному домику.

– И какой мух тебя сегодня укусил? – с улыбкой спросила матушка, которая сидела за столом. Будто я и не уходил никуда. – Ну хоть к обеду поспел.

– Я об одном деле позабыл, – рассеянно улыбнулся я в ответ.

– Знаю я, какие дела у юноши в твоём возрасте, – по-доброму поддела меня Ирина Львовна. – Когда уже свадьбу сыграем? Мариночка – такая хорошая партия.

– Матушка, нам обоим отучиться необходимо, для начала, – нашёлся я с ответом.

– Пока будете ждать, ты уже себе другую найдёшь, так что Марина пускай тоже подумает.

– С чего я должен себе другую найти? – возмутился я. Хотя, возможно, владелец тела ловелас, а я и не знаю...

– Как это с чего, ты на себя в зеркало погляди. Мало того,

что красавчик, так и на наследника престола похож как брат. А какая у нас семья. Ты очень завидный жених, мальчик мой. В Петербург каждый день приезжают красавицы мечтающие найти своего принца.

– Я однолюб, – нахмурился я.

– А я уже внуков хочу увидеть. Когда это было помехой?..

В этот момент в столовую вошла Дуняша.

– Павел Алексеевич, не знала, что вы вернулись, – произнесла девушка, увидев меня.

Она тут же скрылась, но вернулась через минуту с тарелкой и приборами.

– А папа с нами не будет обедать? – спросил я, заметив, что мама решила продолжить тему свадьбы и охочих до принцев красавиц.

– Он по делам отравился, – махнула рукой мама.

– А Вам Марина Петровна телефонировала, – сказала вдруг горничная. Ирина Львовна тут же наострила уши.

– Да, и что она передала? – поинтересовался я.

– Сказала, что опоздает на выставку, – тут же пояснила девушка.

– Какую выставку? – смутился я.

– Так в императорской картинной галерее, Марина Петровна сказала, что вы сами её пригласили. На немецкого художника. Гимлера... или Гитлера.

– Что? – я едва не подавился. – Гитлер?

– Я не сильна в иностранных фамилиях, – тут же потупи-

лась девушка. – И с искусством не знакома, простите, Павел Алексеевич.

– Ничего, ничего, я просто переволновался. Так, когда, вы говорите, Марина придёт на выставку?

– Так, через сорок минут. Я думала вы уже не вернётесь.

Ох, как же это я. А сколько дел я уже пропустил сегодня?.. Ладно, у меня есть веские причины.

– Так... а как мне быстрее всего добраться до Галереи?..

Без обеда матушка меня не выпустила. Благо до места оказалось не так далеко добираться.

Оставалась один вопрос, как мне найти Марину? Я ведь даже не представляю, как она выглядит. Эх, можно было Дуняшу расспросить, а я и не додумался. И пускай это выглядело бы странно.

Я почесал затылок. У входа в здание стояли три девушки. Ну не подходить ведь к каждой. Как назло, ни одна в мою сторону не смотрит. А если подойду не к той, так и до скандала с невестой недалеко.

Ну не стоять ведь здесь до вечера. Я взгляделся в лица девушек, может что-то отзовётся?

Я огляделся по сторонам, а в следующий миг застыл на месте.

Ко мне навстречу шагала моя жена. Настоящая. Из моего мира. С которой я прожил двенадцать лет и нажил двоих детишек. Вот только она была моложе.

В общем, если я не с этой девушкой должен быть на вы-

ставке, то мама окажется права и у меня будет новая невеста. В лепёшку разобьюсь, но добьюсь расположения этой красавицы.

– Пашенька, надеюсь ты недолго ждёшь? – услышал я такой родной голос.

В общем, я никогда не был религиозным, и не верил в загробную жизнь, но спасибо. Кто бы там всё это не устроил, но это великолепно.

Я в практически идеальном мире. Моя мама просто золото, к тому же копия моей родной матери. И невеста, точная копия любимой жены.

– Совсем нет, моя дорогая, совсем нет – ответил я, а на моём лице была счастливая улыбка.

– Почему ты так улыбаешься? – смутилась Марина и бегло оглядела себя. – Что-то не так?

– Всё хорошо. Теперь всё просто замечательно, – поспешил заверить её я. – Пойдём на выставку.

Я до последнего надеялся, что это шутка, но выставка и правда была посвящена лишь одному художнику, по фамилии Гитлер. А когда я увидел в последнем зале фото того самого “художника”, все сомнения отпали.

– Ты знаешь, кто это? – спросил я у Марины тяжело сглотив.

– Конечно, – невозмутимо ответила девушка, – об этом Гитлере давно уже судачат. Он, быть может, не самый лучший художник, но некоторые работы любопытны. Как пого-

варивают, у него большие связи среди политиков Германии и России.

– А больше он ничем не прославился? – спросил я ослабив галстук. Мне от чего-то стало жарко.

– Кажется он книгу написал. Но она не возымела большого успеха, – пожала плечиками Марина. – Я немного поинтересовалась о нём. Обрати внимание, он подписывает свои картины как Шикльгрубер. Это его псевдоним, хотя выставка всё равно названа в честь Гитлера.

Ну да... Всё как в моём мире. Девичья фамилия матери Адольфа Алоизиевича – Шикльгрубер.

– Да уж, – потянул я, а про себя подумал: “Художник, так художник. Главное, чтобы в политику не лез...”

Похоже, двадцать второго июня можно не бояться.

Если не считать волнительных открытий, вечер с Мариной прошёл чудесно. Я аж молодость вспомнил. Я и не думал, что однажды вновь пойду на свидание с женой.

Мы много смеялись, веселились и гуляли. Признаюсь, я хитрил как мог. Просто вспоминал те шутки, которые когда-то нравились моей Марине. Невеста Павла тоже их оценила и смеялась до слёз. А я радовался от того, как всё идеально складывается.

Я так вдохновился от нашей встречи, что договорился с Мариной и воскресение провести вместе. К счастью, у неё не было никаких дел на завтра. В общем, я твёрдо решил получить максимальное удовольствие от своего попаданчества...

Чувствую, мама как воду глядела, скорее всего, наша свадьба с Мариной не за горами.

После прекрасных выходных, начались учебные будни. Как оказалось, юрист из меня так себе, я понимал едва ли тридцать процентов. Нет что-то, конечно, я знал какие-то общие термины и документы. Но в целом, без юридического базиса, в виде четырёх упущенных лет, мне стало ясно, что экзамены я точно завалю.

Однако на выручку пришёл, близкий друг Павла Дмитрий Родионов. Как оказалось, сам Павел когда-то подтягивал друга по большинству предметов. А теперь ситуация изменилась с точностью наоборот. Я долго выдумывал историю, по какой причине вдруг потерял все знания. Однако это и не потребовалось, друг с большой охотой стал помогать мне готовиться к экзаменам, намечающимся через три недели.

Дмитрий оказался на удивление приятным парнем, и уже через неделю я вполне мог назвать его своим хорошим другом, без скидки на то, что прошлый хозяин тела и так дружил с ним четыре года.

Несколько раз мне виделись тёмные тени, будто преследующие меня, чтозаставляло неуютно ёжится и поскорее убраться подальше от тех мест. Но был ли он, тот преследователь, или мне мерещилось, я так и не узнал. Тот человек, который встретил меня в день моего попадания в этот мир, больше не объявлялся. Наверное, и к лучшему.

Сложнее было привыкнуть к тому, чтобы научиться отзы-

ваться на имя Павел, и не оглядываться, когда кто-нибудь произносил имя Александр.

А в целом, мне кажется, что я был вполне счастлив.

Если не считать учёбу, мне многое давалось легко и естественно. Я будто спросонья, постепенно вспоминал то, чего никак не мог помнить. Я быстро привык к тому, что у меня новый дом и искренне ценил родителей. Возможно, так было потому, что мама была так похожа на родную матушку из моего старого мира, что впоследствии и вовсе перестал замечать различия. Просто вёл себя естественно, и это было нормально. Однако и с отцом сложились глубоко уважительные отношения.

Каждый день был пронизан светлыми впечатлениями. Красивые и чистые улицы Петербурга, улыбающиеся жители, причем независимо от происхождения. Прекрасные здания с вычурной архитектурой, многие из которых, в моём времени были разрушены за годы революции и войн. Удивительные автомобили, эволюция которых явно свернула в каком-то другом направлении, нежели в моём мире.

А когда удавалось провести время с Мариночкой, которая была с головой поглощена учёбой, так я был и вовсе на седьмом небе. Как-то раз она сказала, что я за последнее время изменился, будто повзрослел на десять лет. Я едва не поперхнулся от её прозорливости, на что девушка только рассмеялась.

Как не стыдно признаваться, я очень быстро и легко по-

забыл о прошлой жизни и войне, с которой меня выдержнула судьба и почти не сожалел об этом. Порой задумывался о том, как там Марина и дети, но эти мысли тут же выдувало из головы, когда я вспоминал о будущей невесте в этом мире.

Всё чаще стал ловить себя на мысли: зачем думать о старом несовершенном мире, если оказался в его идеальном варианте.

Была ещё одна особенность этого мира, которая вызвала у меня восторг. Здесь было и электричество, и электроприборы, а вот проводов не было. Я долго не мог понять в чём дело, и сначала косился на работающие лампы радио, не подключённые кабелями. Долго искал информацию, а когда нашёл, то пропал с книгой на весь вечер. А всё дело было в самой настоящей магии. Вернее, не так...

Примерно шестьдесят лет назад, Александр Степанович Попов, сделал удивительное открытие, обнаружив особую волну, на которую, как я понял, в нашем мире никто не обратил внимания.

Если кратко эта волна позволяет переносить энергию и различные токи без участия проводов прямо по воздуху при этом не вредя людям. Но главное не это. Самое интересное, что некоторые люди очень чувствительны к этим волнам и при правильном взаимодействии и чутье, могут эту энергию использовать для совершения различных чудес.

Люди и раньше знали о сверхъестественных способностях у некоторых дворян. Но, как правило, они воспринимались

как ведьмовство или сатанинское проклятие. В связи с этим, обладатели таких вот даров, свои навыки скрывали. Хотя доподлинно не ясно, что именно было причиной, ведь некоторые способности давали огромное преимущество как в делах военных, так и в быту. Так вот Попов доказал, что это никакая не магия, а вполне себе наука.

Попов, сам был не одарён, но посчастливилось ему встретить простую крестьянку, к которой всё время липли металлические изделия. Беднягу хотели сжечь на костре, но учёный не дал. Он и так был увлечён изучением радиоволн и магнитных свойств металла, а тут живой человек-магнит.

Та крестьянка рано умерла, а других добровольцев Попов так и не смог найти, поэтому он не просто успел изучить досконально особенности волны, которую в последствии называли в честь него. Однако он произвёл мощнейший толчок, повернувший мир науки в совсем иное русло.

Мало того что технический прогресс значительно ускорил свой бег, так и феномен одарённых приобрёл большую значимость. Появились целые институты изучающие подобные явления.

Благородные одарённые по-прежнему не спешили раскрывать свои секреты, но кое-что удалось раскопать.

Я нашёл упоминания об удивительных случаях, например, какой-нибудь студент со способностью к лекарству может заменить целую орду врачей с многолетним стажем и опытом. Кстати, одарённые с лекарскими навыками зача-

стю не скрывали своих талантов и охотно служили на благо человечеству.

Или, например, солдат со способностью вызывать огонь, способен разом уничтожить противника, на борьбу, с которой может уйти не один месяц.

Нашёл короткое упоминание об одной девушке, которая имела огромную власть над животными. Могла договариваться, побуждая братьев меньших собирать информацию или нападать на противника. Из примеров нашёл историю очевидца о случае, когда она попросила стаю волков напасть на вражеский отряд. Но вот какая интересная штука у волков тоже есть свое сознание, причём они довольно хитрые звери. Таким образом в течение недели семеро зверей уничтожили более сотни солдат противника. Постоянно преследуя их, изматывая и нападая в самые неожиданные моменты.

К слову, ещё из примеров: Моя матушка, могла прикосновением согревать небольшое количество воды. А у моей невесты Марины, была способность к диагностике живого тела. Она могла без всяких приборов просканировать организм и обнаружить беспокоящий недуг.

Как оказалось, я тоже был одарён... вернее Павел. У прошлого владельца тела, после десяти лет обнаружилось чутьё к правде. Он физически ощущал, когда кто-то пытался его обмануть. Видимо именно это произошло со мной, когда продавец газет пытался меня облапошить. И до этого, в столовой. Дуняша что-то говорила про свадьбу, видимо тоже

обманывала. Но это её дело. Способности способностями, а каждый человек сам отвечает за то что говорит.

Но повторюсь, в целом всё в новом мире было просто прекрасно.

Однако подчиняясь обидному правилу закона подлости, стоило мне привыкнуть и расслабиться. Как ситуация снова стала стремительно меняться...

Я в очередной вечер возвращался домой, после того как проводил Марину до дома, после вечерней прогулки. Мы были в яблоневом саду, где все деревья как раз покрылись белыми цветочками.

Настроение у меня было прекрасное, я шагал по улице и насвистывал мелодию из репертуара группы “Браво”, из моего прошлого мира. Усмехнувшись, поймал себя на мысли, что кое-какой музыки мне точно не хватает.

Пока шагал, несколько раз замечал мелькающую тень, на периферии зрения. Не сразу понял, что меня в этом смущает, а потом вспомнил первый день своего появления в новом мире, и сжимающую горло стальную хватку. Сразу всплыло в памяти и то, что предшествовало попаданию в новый мир.

Настроение моё испортилось, и я поспешил домой.

До дома оставалось пройти от силы метров сто, когда моё внимание привлекла чёрная “Волга” с массивным радиатором и широкими колёсами, припаркованная метрах в тридцати от меня. Я даже обернулся по сторонам, выискивая подозрительных преследователей.

Стоило мне подойти чуть ближе, как из автомобиля вышел крупный мужчина в чёрном сюртуке, и щёгольским жестом надел на голову шляпу. Похлопывая себя по карманам, он отошёл на противоположную сторону тротуара и опёрся на невысокую ограду стоящего рядом дома.

Как только я оказался между машиной и мужчиной в костюме как тот тут же окликнул меня:

– Молодой человек, разрешите ...?

Я замедлился и стоило мне повернуться, как получил от него неожиданный тычок в грудь. В следующий миг ко мне подошёл кто-то со спины. Я опомниться не успел как меня обхватила чья-то крепкая рука и потянула к машине.

Я испугаться не успел, как оказался в салоне, между двумя верзилами, крепко державшими меня за руки.

Мысли стали судорожно метаться.

Вот же дурак. Как я мог так расслабиться? Быловедь предчувствие!.. Наверное, меня решили похитить и будут требовать у родителей выкуп...

Хотя не похожи эти ребята на похитителей. Скорее на каких-то гос. служащих.

Может меня в чём-то заподозрили? Или как-то поняли, что я из другого мира и будут что-то выяснять? Или того хуже, попросту отправят обратно, где я уже давно окоченевший труп...

Поздно поймал себя на мысли, что нужно было хотя бы оказать сопротивление для приличия, но здоровенные му-

жики по бокам, выглядели настолько внушительно, что можно было и не пытаться.

– Павел Алексеевич, нам нужно с вами поговорить. Прощу, без глупостей, и без криков, – повернулся ко мне крепко сбитый мужчина, сидевший рядом с водителем.

– О чём поговорить? – растерянно спросил я.

Мужчина окинул меня взглядом, качнул головой, и хмуро повернувшись к водителю скомандовал:

– Трогай, – затем он снова повернулся ко мне. Видимо убедившись, что я совершенно не собираюсь сопротивляться или кричать он добавил: – Дело государственной важности, Павел Алексеевич. Империя нуждается в вашей помощи.

Глава 5. Вежливое принуждение

Заявление мужчины вызвало ещё больше вопросов. Зачем я мог кому-то понадобиться? Да ещё и настолько, чтобы была необходимость меня похищать. Тем более, чем вообще я могу быть полезен империи? Может дело в моей способности? Но как я уже узнал, дары, как правило, сохраняются в секрете и лишь в редких случаях раскрываются. Например, как в случае с Мариной. Её способность во многом повлияла на выбор будущей профессии, а в университете к ней было особое отношение.

Хотя кто знает, как работает тайная полиция. Может, удалось схватить какого-то шпиона, и мне предстоит провести допрос. Нет, я совершенно не против помочь, но можно ведь было попросить, а не насильно заталкивать в машину.

Кое-как разобравшись в своих мыслях, я принялся изучать обстановку вокруг.

Если мужчина заговорил об империи, значит это должностные лица.

Место рядом с водителем только в России считается начальственным, а в других странах здесь обычно сидит либо референт, либо телохранитель. В последние годы, насколько знаю, ситуация изменилась, но в силовых структурах до сих пор принято, чтобы начальник (если уровень не выше майорского), сидел впереди. Оно и похоже, что здесь сидит на-

чальник, но невысокого уровня. По крайней мере, вряд ли кто-то из амбалов зажавших меня с двух сторон, тянет на главного.

Я вдруг усмехнулся, вспомнив, как когда-то, будучи подростком, фантазировал что буду предпринимать если на меня вот так кто-то нападёт. В художественных романах всё обычно выглядело просто – я бы ловко ударил в челюсть одного, поставил подножку третьему, а на деле, даже опомниться не успел. Теперь сию тихонечко, словно кролик и не дергаюсь. И это несмотря на короткий боевой опыт. В рукопашную я, конечно, не ходил, но всё равно, не совсем салага.

Автомобиль проехал по Невскому, свернул на Литейный, а потом, проехав минут пять, опять свернул. Название улиц я прочитать не успел, но память и без того помогала ориентироваться. Вот здесь церковь святой Анны, значит, Кировская. Когда-то думал, что в честь Сергея Мироновича, а она в честь кирхи. Едем дальше... Слева в мое время была станция метро «Чернышевская», но здесь ее нет, да и будет ли когда-нибудь?

Пока проезжали вдоль ограды Таврического сада, подумал о том, что самое хреновое, что мне не завязали глаза. Если меня схватили вот так, против воли и неожиданно, значит хотели провернуть всё без свидетелей. А если так... К тому же дело государственной важности...

У меня засосало под ложечкой.

Стоит ли опасаться того, что живым меня выпускать не

собираются?

Мужчины, сидящие в машине, молчали, а мне вот тоже было отчего-то не до разговоров.

Да уж.

Не успел оказаться в другом мире, как меня снова настигло неизвестно что.

Меня вдруг охватило нервное веселье. Глядя на прутья ограды, я продекламировал:

– Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул чрез ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица.

Один из моих похитителей сразу же подхватил:

– Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошей и Кокошей
По аллее проходил
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил.

– Михалыч, ты чего это? – обернулся к «левому» тот, кто сидел на переднем сиденье. – Молодой человек нервничает, можно понять, а ты?

– Виноват, господин ротмистр, – сконфузился «левый». –

Я дочке только вчера эти стишки читал.

Я даже обиделся за Корнея Чуковского. Ишь, стишки. Но хорошо, что создатель «Мойдодыра» и «Мухи-цокотухи» живет и пишет. Зато получил новую информацию.

Теперь точно можно утверждать, что похитили меня представители какой-то военной или военизированной структуры. Ротмистр. Где это звание использовалось? У кавалеристов, в жандармерии и в полиции. Чин, соответствующий капитану, а здешний капитан, если не ошибаюсь, это по-нашему майор. Крепкий дядька на переднем сиденье на кавалериста не похож. Значит, либо он жандарм, либо полицейский. Ротмистр жандармерии или полиции – это уже немало.

Может и правда, к допросу преступника привлекут?

Впрочем, силовики, в моей реальности, бывали и «оборотнями» в погонах, а почему бы таковым не оказаться и здесь? Может это похищение? Вдруг здесь какие-то дела отца замешаны. А я ведь так толком и не узнал, чем зарабатывает на хлебушек (с маслом и ветчиной) мой родитель.

Пока я думал, машина въехала в какой-то дворик. Михалыч, не дожидаясь приказа, выскочил из машины и придержал дверцу, выпуская меня под вечернее небо. При этом, счастливый отец маленькой дочки, скрупулёзно контролировал каждое моё движение.

– Думаете, я побегу? – хмыкнул я.

Ни Михалыч, ни остальные похитители ответом меня не удостоили, а ведь у меня и на самом деле мелькнула мысль

– принять низкий старт и рвануть. Но смысл бежать и далеко ли я убегу? Вон, неподалеку какой-то тип в коротенькой куртке изображает случайного прохожего, остановившегося покурить. А может это и на самом деле случайный прохожий, а у меня уже мания преследования? Да тут и без маний всё не радужно, меня ведь у самого дома приняли.

– Прошу вас следовать за мной, – сухо вато предложил ротмистр, шагнув в сторону подъезда самого обычного дома.

Мы поднялись на третий этаж по широкой лестнице застланной ковровой дорожкой. Ротмистр нажал на кнопку звонка, дверь тут же открылась и нас встретил некий субъект – с жиденькой бородачкой, всколоченный, в жилетке, наброшенной на не очень чистую рубаху. Не то либеральный интеллигент, не то свободный художник. Вот только глаза у него слишком цепкие. Такие бывают либо у тех, кто долго просидел в тюрьме, либо наоборот – у тех, кто сажает в тюрьму.

– Доложите, что гость прибыл, – сообщил ротмистр.

«Художник» посторонился, пропуская в конспиративную квартиру (а что же это еще могло быть?) и меня, и мое сопровождение.

– Пропустите Павла Алексеевича, – донеслось из глубины квартиры.

– Сей момент, ваше высокопревосходительство, – откликнулся «художник» и, улыбнувшись мне золотой «фиксой», попросил. – Будьте так любезны, молодой человек, подни-

мите руки.

– Чистый он, – вступился ротмистр, но «художник» лишь отмахнулся:

– Порядок есть порядок.

Я не стал спорить, послушно подняв руки и меня начали ощупывать. Обшарили рукава, карманы, пояс, задрали брючины. Странно только, что не проверили за спиной. А ведь я свободно мог засунуть пистолет сзади, а не спереди. И под мышками тоже не проверили. Надо запомнить, вдруг пригодится. Уж если меня ждет Высокопревосходительство, так посетителя положено, как следует, ошмонать. Или обшмонать? Не помню, как правильно. А здесь такие проколы.

Высокопревосходительствами именовались чины первого и второго классов по Табели о рангах. Второй класс Табеля – это либо генерал-лейтенант (генералов-полковников в царской армии не было) либо генерал рода войск – инфантерии там, артиллерии, или действительный тайный советник. Вряд ли адмирал. Первый класс – это канцлер либо генерал-фельдмаршал. Да, были ещё генерал-адмиралы, из великих князьёв. Но я не та птица, чтобы меня ловили чины первого класса.

Впрочем, для недоучившегося студента и второй класс будет слишком жирно. Если задействована фигура такого класса и это не спектакль, значит, это точно не банальное похищение с целью выкупа. И уж это никак не связано с какой-нибудь антиправительственной деятельностью моего, скажем

так, реципиента. Если Павел замешан в какой-нибудь крамоле, то хватило бы и участкового инспектора.

Убедившись, что я действительно «чист», бородатый указал мне рукой в сторону длинного, словно вагон, коридора:
— Прощу вас, молодой человек.

В комнате со стенами, оклеенными газетами, почти не было мебели, за исключением книжного шкафа с десятком книг, круглого стола, покрытого некогда белой, а теперь пожелтевшей и выцветшей скатертью, да пары стульев. Определенно это конспиративная квартира, которой, судя по всему, редко пользовались.

Один стул пустовал, а на втором сидел человек лет пятидесяти пяти или шестидесяти, бородатый и, абсолютно лысый. Кажется, выправка военная, но сам в штатском костюме. Вот только на груди белеет эмалевый крест ордена святого Георгия. А, так это по статуту положено. Даже великий художник Верещагин, не любивший чины и регалии, вынужден был носить орден.

...Интересно, а Верещагин в этой реальности погиб, или нет?.. Ладно, не о том сейчас.

Отчего-то мужчина за столом показался знакомым, словно я его уже где-то видел. Может, на старых фотографиях? Бородатый, уса́тый, но непременно в фуражке. Кто-то из лидеров белого движения? Не самая крупная фигура, но и не рядовая. Деникина или, скажем, Колчака с Врангелем, я бы сразу узнал. А кто же это? Представим его помоло-

же... Неужто Александр Павлович Кутепов, генерал-лейтенант, командующий армией у барона Врангеля.

Всегда, если честно, больше симпатизировал большевикам, хотя это в наше время немодно, но Кутепова уважал. Храбро сражался и на русско-японской, и в Первую мировую себя достойно вел. Последний командир лейб-гвардии Преображенского полка. Как считает один мой приятель, будь у Кутепова чуть больше людей, он бы и февральскую революцию подавил. Но не срослось. И у Врангеля командовал вначале корпусом, потом армией. Наши, то есть, красные, барону шею намылили, из Крыма выгнали. В Галлиполи, насколько помню, Кутепов сумел сохранить жизнь и здоровье многих солдат благодаря драконовской дисциплине. Матерый враг, но уважения он заслуживает.

А в этой реальности он кто? Как же так случилось, что военная косточка, да в полицию подалась?

– Присаживайтесь Павел Алексеевич, – радушно протянул руку Его высокопревосходительство в сторону ближайшего стула.

– Благодарю вас ... господин генерал, – чуть замешкавшись поблагодарил я, поглядывая на запылившееся сиденье стула. Кое-как стер пыль и, усаживаясь, спросил. – Или следует обращаться к вам ваше высокопревосходительство?

– Вы не мой подчиненный, поэтому, называйте меня просто Александром Павловичем, – улыбнулся генерал в штатском. – А Высокопревосходительство, генерал, оставим на

будущее.

А я молодец, угадал. И знаю теперь, отчего генерал на снимках в фуражке – стеснялся лысины.

– Как прикажете, – покладисто согласился я.

– Что-то вы невеселы, – покачал головой Кутепов.

– А вы бы на моем месте веселились? – ответил я вопросом на вопрос. – Вас похищают, а потом привозят неизвестно куда.

Я даже одёрнул себя на полуслове из-за получившегося каламбура. Ведь в моей реальности Кутепов, ставший после Врангеля главой РОВС, был похищен сотрудниками ОГПУ и умер не то от сердечного приступа, не то от передозировки морфия.

Я ждал, что сейчас передо мной разыграют маленький спектакль – Кутепов позовет ротмистра, строго спросит – мол, отчего это похищал, если было приказано пригласить, а тот станет пучить глаза, но нет. Александр Павлович не стал играть в плохого и хорошего полицейского, а просто спросил:

– Есть надобность представляться?

Предполагалось, что я должен знать имя и должность своего собеседника, знать его в лицо. Все-таки, студент-юрист читает газеты, листает какие-нибудь альманахи или бюллетени, где печатают портреты высших сановников. Имя-то и фамилию, положим, я знаю, а вот должность? Явно не командующий гвардией и не военный министр. Но сидевший, мо-

жет быть, и министром внутренних дел, и начальником департамента полиции. Нет, если Высокопревосходительство, то министр. Но он может оказаться министром двора,

– Если я не ошибаюсь, у вас имеется несколько государственных должностей? – осторожно спросил я. – Вы же не только министр?

Наверняка Кутепов ещё и член какого-нибудь госсвета, ещё что-нибудь.

– В общем-то, вы не ошибаетесь, – кивнул Кутепов. – В данный момент я представляю и Министерство внутренних дел, как его глава, и службу охраны Его императорского величества, как глава этой службы. И, к слову, титуловать меня Ваше сиятельство тоже не нужно.

Вот оно как. МВД и ФСО, если по-нашему. Смелый человек император, если решился объединить в одних руках две такие мощные структуры. И отчего он взял на эту должность Кутепова? Светлость? Значит, либо князь, либо граф. Скорее всего последнее. Про князьёв не помню, а вот графский титул Николай Второй давал. Витте стал графом и Коковцев. А министр, между тем, продолжал:

– Если хотите – принесу вам официальное извинение, но, скорее всего, вам от этого легче не станет.

Как говаривал мой преподаватель – ясно-понятно. И вытащили меня для чего-то такого, крупного и государственного. Вербовать? Но мне кажется, это не уровень министра. Впрочем, сейчас все сам и узнаю.

– Итак, господин Кутафьев, – начал министр. – Что вам известно о двойниках?

– О двойниках? – слегка растерялся я. Чего угодно ожидал, а тут двойники. Что он имеет в виду? Гофмана? Или некую историю о нашей императрице Анне Иоанновне, увидевшей как-то саму себя. Двойник, или доппельгангер – темная сторона твоей личности. Увидишь – умрешь.

Я нахмурился. Нет, наверное, всё проще. Вряд ли начальника охраны императора интересует мистика. Его волнуют более приземленные вещи.

– Если вы о слухах, что каждый правитель имеет двойника, который замещает его на церемониях, или на каких-то мероприятиях, что могут быть опасными, или еще где-то – то да, слышал, – произнёс я.

Я и на самом деле читал о двойниках Гитлера, смотрел какой-то фильм о двойниках Сталина. Но верить этому или нет, так до сих пор и не решил.

– Слухи основываются не на пустом месте, – кивнул Кутепов, охотно раскрывая передо мной карты. – Бывают случаи, когда государь не может присутствовать на каком-то важном мероприятии, но его присутствие обязательно. Или если стало известно, что на Николая Александровича готовится покушение и нам необходимо взять исполнителей на «живца». Вот тут мы вынуждены прибегнуть к помощи двойника.

– Но я ведь не похож на Николая Александровича, – растерянно пробормотал я. – Может кого постарше поискать?

Однако Кутепов, проигнорировав мою ремарку, продолжил.

– Как водится, специально обученных людей, отобранных в качестве двойников, нет. Если нужен двойник – моя служба просто нанимает актера. Накладная борода, усы, немного грима, вот и все. Зато и оплатят эту роль так, как ему не заплатят и за пять лет работы в театре или в кинематографе. Разумеется, с него возьмут подписку о неразглашении.

– А если он все-таки разгласит? – полюбопытствовал я. – Сибирь или ещё дальше?

– А зачем? Пусть себе болтает, – отмахнулся Кутепов. – Зато появится пара статей в газетах о каких-нибудь пагубных пристрастиях этого актера – наркомании, мужеложстве, любви к малолетним детям. Карьера загублена, а для артиста это похуже и Сибири, и смерти. Покамест, тьфу-тьфу, никто из артистов не хвастался, что исполнял вне сцены роль государя императора.

Эх, господин генерал. Если бы такое было в мое время, то артисты бы в очереди стояли, чтобы о них тиснули в газете. И, неважно, какие пристрастия, главное – чтобы громко!

– Думаю я правильно вас понял, меня э-э-э... пригласили, чтобы я сыграл чью-то роль? – решил я перейти сразу к делу.

– Вы должны не просто сыграть роль, вы должны будете провести в этой роли определенное количество времени. И начинать нужно завтра.

– Это как? – насторожился я. – Мне же экзамен сдавать...

– Ну да, в понедельник вы сдаёте экзамен по уголовному праву Российской империи, а ещё через месяц должны получить диплом, – проявил осведомленность о моей жизни министр.

Ага... всё верно.

– И как быть, как же мой диплом? – хлопнул глазами я.

– Да никак, – пожал плечами Кутепов. – Правоведов в Российской империи и без вас хватает. Одним больше, одним меньше, какая разница? Диплом? Диплом только бумажка, ничего более. А вам предстоит стать наследником престола, цесаревичем Александром. Как я уже сказал – на год, а может и больше. В общем – как господь бог даст.

– Подождите, – заволновался я. – Одно дело сыграть роль на какой-нибудь церемонии, вроде парада, совсем другое – год, два, или больше. А как же моя личная жизнь? Да и моё согласие совсем в расчёт не берётся?

Не то, чтобы я не готов, просто, только успел к новой жизни привыкнуть, а тут снова всё с ног на голову.

– Согласие? – нахмурив брови спросил Кутепов. – Тут, молодой человек, империя под угрозой, а вы мне о своем согласии толкуете. Здесь у нас, дражайший Павел Алексеевич, выхода нет, а у вас какой выбор, когда страна в вас нуждается?

– Наследником? – тяжело сглотнув переспросил я.

– Наследником, – кивнув, подтвердил Кутепов.

Глава 6. Настойчивая просьба

Интересная складывается ситуация.

Хоть это и не мой мир, мне очень нравится то, что я увидел за эти дни. Я твёрдо решил, что приложу все силы, чтобы использовать преимущества, которые даёт знание будущего, чтобы повлиять на страну в положительном ключе... Но ведь пока даже не представлял, как буду это делать, а тут вдруг раз и подмени наследника на пару лет. Осторожнее надо быть с желаниями...

Промелькнули и сомнения в голове. Всё же я снова Марину нашёл, да и мама... А дело вероятнее всего рисковое, плюс тайну нужно сохранять.

Российская Империя, прекратившая свое существование задолго до рождения моего деда, Советский Союз, что распался до моего рождения... Я знал о прошлом своей страны из исторических сводок. И как историк я прекрасно знал, как легко этими сводками манипулировали в разные эпохи... Но вопрос не в этом.

Хочу ли я стать частью всего этого? Более того, хочу ли я принять участие в этом всём?

Судя по статистическим данным, страна находится на подъеме, а судя по тому, как одет на улицах народ – благодать видна невооруженным глазом. Я даже не встретил ни одного бомжа. И это прекрасно, да и не бегу от ответственности.

Просто меня коробит вид этих серьезных мужчин, во главе с Кутеповым. Неужто я не заслужил чуть больше отдыха?

Я тяжело вздохнул и посмотрел на министра.

– Как понимаю, если я откажусь, то из этой квартиры просто не выйду? – хмуро поинтересовался я. Спросил не серьёзно, скорее с целью разведать обстановку.

– Ну что вы, зачем же квартиру-то пачкать? – картинно всплеснул руками генерал. – Отдам команду, вас отвезут куда-нибудь поближе к Неве, утопят, а следующей весной труп – или, что там после раков останется? и отыщут.

Меня сразу же укололо то самое чувство. Похоже Высокопревосходительство говорит неправду. Или он так шутит? Я ведь пока ещё не узнал ничего такого, из-за чего спецслужбы были бы вынуждены тратить время и средства. А они всегда действовали рационально.

– Ну-ка, ну-ка, – взгоношился вдруг генерал и пристально посмотрев на меня, сказал: – А у кита хвост большой. А лошади кушают овес и сено. – Я с удивлением воззрился на Кутепова, изрекавшего банальные вещи, а тот вдруг сказал: – А Волга впадает в Черное море, а жирафы ходят по Невскому проспекту...

Укол был слабенький, но все-таки он был.

Кутепов бросил взгляд куда-то мне за спину.

– А этого в досье не было, господа хорошие, – с недоброй усмешкой произнёс он. – Пора мне аналитиков увольнять подчистую. Вернусь – первым делом займусь чисткой

кадров, к чертовой бабушке всех, — мужчина взмахнул рукой, будто в ней была зажата шашка. Похоже, никто из присутствующих не понял в чём дело, а министр продолжил. — А ведь в карточке указано, что способности к магии нулевые. А они такой дар проморгали...

— Какую способность? — спросил кто-то позади меня.

— Дар? — невозмутимо поинтересовался я.

— Я ведь почти сразу угадал. Неправду чувствуете? — спросил он внимательно глядя на меня. — Да вы не бойтесь, Павел Алексеевич, здесь все свои.

— Чувствую, когда неправду говорят, — подтвердил я, решив не ходить вокруг да около.

— Эх, не будь вы так нужны сейчас для иного дела, взял бы я вас к себе. Дознаватель, умеющий отличать правду от вымысла дорогого стоит. — он погрозил пальцем кому-то за моей спиной. — После университета вам какой чин положен, если на госслужбу пойдете? Кажется, коллежского секретаря? А я бы вам сразу титулярного советника дал. А не судьба...

Я задумчиво почесал нос. Вроде полиграф ведь изобрели к этому времени. Чего он так переполошился? Безусловно, меня сверхспособности некоторых местных тоже впечатлили, та же матушка способная воду кипятить. Но здесь ведь и прогресс вперёд летит. Двадцатый век на дворе, скоро в космос пора летать, а здесь магию на первый план выставляют.

— Судя по всему, вы считаете свою способность несерьёзной? — осторожно поинтересовался Кутепов.

– По крайней мере, не исключительной, – пожал плечами я, и добавил. – Она случайным образом проявляется, и не постоянно. Чувствую порой, что что-то не так. Вот, если бы я умел взглядом горы передвигать, или моря-океаны осушать, тогда да, можно было бы и прихвастнуть.

– С морями да с океанами не знаю, не по моему ведомству, а вот если бы вы умели мусор утилизировать, или фекалии в коллекторах уничтожать – это ко мне.

Я едва сдержал усмешку! Утилизировать мусор с помощью магии и убирать э-э дерьмо? Но меня ничего не дернуло, не ущипнуло, значит, генерал говорит правду. Правду?! Неужто он серьёзно?

– Пожалуй, не стану я пока аналитиков увольнять, – решил-таки глава МВД. – Скорее всего, некоторые способности проявляются не сразу, да и от родительского наследия многое зависит. Вот, ваша маменька, не в обиду вам сказано, хотя и обладает кое-какими способностями, но слабенькими. Наверное, вины моих специалистов немного, на лицо простой поспешный вывод. Но головомойку я им устрою.

– А вы, Александр Павлович, какие способности за собой числите? – не удержался я. Наверное, не ответит, но вдруг.

– А все такие же, обыкновенные, – усмехнулся Кутепов. – Я сразу вижу – есть у кого-нибудь магические способности, или нет. И не нужно никаких медицинских штучек, да тестов всяких. По молодости тяжело было, не понимал почему некоторые люди как свечи горят. А другие то вспыхивают,

то гаснут. В то время как большинство никаким светом не осенено. Зато, когда знающие люди этот дар заметили, покоя стало недоставать. Теперь уже и без меня этим делом занимаются, а я только проверяю, если случаи интересные. У меня, как вы понимаете, и других забот полон рот.

– Вроде той магии, которая мусор уничтожает? – улыбнулся и я.

– А вы думаете, это не нужно? Да знаете ли, сколько бы дворников да прочих работников пришлось держать, если бы не магия?

Кажется, Кутепов всерьёз подивился моей недалёковидности и заподозрил меня в сомнениях.

– Да боже упаси, Александр Павлович, – примирительно сказал я, поднимая ладони вверх. – Коммунальное хозяйство дело важное, а иначе бы мы в мусоре погрязли. Да, а куда мусор девается, если его с улиц убирают?

– Да пёс его знает, – равнодушно повел плечом генерал. – Ученые говорят – утилизируется как-то. Мол, закон сохранения.

Магия, двойники... Всё это очень любопытно...

– Ваше высокопревосходительство, а отчего же возникла такая надобность, чтобы из меня двойника сделать?

Я старался, чтобы вопрос прозвучал как можно невинней, но Кутепов волк стреляный. Уставившись в меня черными – какими-то даже цыганскими глазами, глава двух крупнейших силовых ведомств сказал:

– А вот здесь, милейший Павел Алексеевич, уже и наступают государственные тайны. Такие, за которые вас и на самом-то деле сотрут отовсюду. В том числе и с лица земли.

Во мне ничего не ёкнуло и не звякнуло. Стало быть, не врёт господин министр. Любое государство имеет такие тайны, за разглашение которых следует смерть, без суда и следствия.

Лицо Кутепова вдруг смягчилось.

– Но мне бы хотелось, чтобы вами двигал не страх, а искреннее желание помочь России. Поверьте, империя стоит перед пропастью – гражданская война, а в дальнейшем, вполне вероятный раскол страны на части.

– России или империи? – поинтересовался я.

– А вы разве социалист? – нахмурился Кутепов.

Судя по всему, в моем досье указано что-то подобное.

– Да я и сам толком не знаю, не задумывался об этом, – отозвался я. Сказал, кстати, чистую правду. В том мире, откуда я пришел, существовала республика, менять ее на что-то другое и в голову бы не пришло. Числить себя монархистом могли только «ряженные» вроде казаков, да «дворяне», объявившиеся в огромном количестве. Да, ещё немногочисленные маргиналы. Здесь же монархия, поэтому мой реципиент не мог быть кем-то другим, кроме как монархистом. – Политикой я не увлекался, а монархию принимал как данность, как форму правления. Впрочем, – призадумался я, – всегда был сторонником единоначалия.

– Полагаю, это приемлемо, – хмыкнул генерал. – Что ж, готовы ли вы взять на себя такую ответственность?

– Как могу я отказать, если страна нуждается в моей помощи? – на полном серьёзе ответил я. – И тайны хранить готов.

– Да, – вспомнил вдруг Кутепов. – Вам придется разлучиться с семьей и с невестой. Надеюсь, вы отдаёте себе в этом отчёт.

Разлучиться с семьей?

Не спорю, вполне симпатичные люди мои здешние родители. И Павел Алексеевич неплох, а Ирина Львовна – так вообще прелесть. Да, сильных сыновьих чувств я к ним пока что не испытывал, но привязаться всё же успел. Резанула мысль: Я ведь их единственный сын. Как бы их всё это не подкосило.

– Может, родителей предупредить-таки? – мол, получил службу в госструктуре, отправлен в секретную командировку?

– Исключено. У меня инструкции, – покачал головой Кутепов. Какие такие инструкции для человека его уровня? Разве что от самого Николая Александровича?

Следующий вопрос я решил не озвучивать. Родителей очень жалко. Но прямой запрет на свидания с Мариной я терпеть не стану. Потом придумаю что-нибудь.

Что касается остального. В сущности, уход в небытие – это может быть вполне приемлемый выход. Рано или поздно

родственники, близкие и знакомые заметят, что нынешний Павел Кутафьев отличается от прежнего. И как на самом-то деле объяснить, что молодой человек, несколько лет хорошо учившийся на юриста, не знает элементарных законов Российской империи? Книжки-то не всегда спасут. А здесь – раз, и нет меня. Пока буду отсутствовать, много чего изменится, да и я к этому миру больше привыкну. А потом вернусь, и вряд ли меня кто-то заподозрит в несоответствии.

– Год, или два... Главное потом ведь смогу вернуться? – спросил я. – Ну, когда всё закончится.

– Ничего не могу обещать, – глядя на меня в упор ответил напрягшийся Кутепов. – Вероятнее всего, с семьей, а также с друзьями и родственниками вам общаться больше не придётся. Не исключено, что вас поместят под негласный надзор полиции в каком-нибудь маленьком городке.

Я нахмурился. Это меняло дело. Жить под негласным надзором, это полбеды. Не думаю, что окажусь в какой-нибудь крепости, словно в Железной маске. Однако решил уточнить:

– Может ещё и ликвидируете по итогам? – хмыкнул я. Решил проверить, однако ответа не дождался.

Судя по тому, что Кутепов промолчал, не рискнув видимо сказать правду, неправду-то я почувствую. Значит и такой вариант тоже возможен.

Кутепов выразительно посмотрел на одного из своих помощников, однако я хотел продолжить разговор.

– Что-то я совсем ничего не пойму, – хмыкнул я. – Актеру, который императора играет, хотя бы деньги заплатят. А мне, судя по всему, предстоит житье арестанта, а то и вовсе никакого житья не предстоит. Странное вознаграждение вы мне обещаете. А ещё говорили, что не хотите меня силой заставлять и на испуг брать.

Похоже, моя способность, сломала все планы Кутепова. Хотели видимо горы пообещать золотые, а потом оставить с носом, да ещё и в канаве холодным трупом. А тут всё пошло по иному пути.

Министр тяжело вздохнул, бросив на меня пронзительный взгляд. Кажется, не произнеся ни слова, он сказал всё. Чувствовал, что инициатива разговора от него уходит, был этому совсем не рад, но и быстрое решение принять пока не мог. Нужно ведь срочно что-то придумывать, и говорить при этом правду.

– Так вам скажу, Павел Алексеевич. Если бы с подобным предложением ко мне подошли тридцать лет назад... Скажали бы, что я могу спасти свою страну, я не задумываясь бы согласился. И пускай хоть сотню раз потом расстреляют. И знаете, каждый раз, когда мне приходилось сделать сложный выбор, я никогда не сомневался. Наверное, поэтому я нахожусь сейчас здесь и занимаю те должности, которые занимаю. И как бы высоко я не взобрался, в любой момент готов сложить голову за царя и за Российскую Империю.

А вот в этом я не сомневаюсь. Историю этого человека я

знаю неплохо.

Тем временем министр продолжил:

– Награду вы получите. И очень хорошую. Операция, в которой вам возможно доведётся поучаствовать, очень важна и ставить её под угрозу из-за вашей сентиментальности, абсолютно неприемлемо. Если по итогам, ваше существование поставит под угрозу судьбу России, я без сомнений отдам приказ о вашей ликвидации, а если придётся, то сам убью вас, даже если мы к тому времени станем близкими друзьями.

Да уж. Я как-то слышал, что честностью и прямоотой можно добиться куда больше, чем красивыми сказками. Но здесь... Да какого чёрта! Это работает. Своей отповедью, и откровенным обещанием, что в случае чего он собственноручно меня убьёт, убедил вернее, чем если бы золотые горы обещал. В своём ли я уме?

– Ну что вы готовы взять на себя роль спасителя России? – нетерпеливо спросил генерал. По нему было видно – уверен, что я сейчас откажусь и решительно пожелал не ждать и не рассуждать о пустом.

Спасителем России...

Год или два побыть в шкуре самого настоящего наследника престола. А может поучаствовать в событиях, о которых когда-то читал в книгах. Поработать с такими людьми как Кутепов. Подумать только! Один мой товарищ, которого я уже упоминал, руку бы пожертвовал лишь бы оказаться сей-

час на моём месте, и переброситься парой фраз с этим железным человеком.

В прошлой жизни я сгинул, будучи простым добровольцем. Ума не приложу, упомянут ли моё имя когда-нибудь, но это и не имеет значения. Я ведь даже погиб спасая товарищей. Лучшая награда была бы знать, что все спаслись, пускай и ценой моей жизни. Важно другое. Кутепов говорит, что у меня есть шанс спасти Российскую Империю, и при его словах у меня внутри ничего не дёргается. Значит он правду говорит. По крайней мере верит в неё.

А Россия сейчас, судя по справочникам, великая страна во всех отношениях. Я даже представить не могу, что будет к двадцать первому веку, если никто не сожжёт империю с уверенного марша в будущее. Хочу ли я участвовать во всём этом? Более того, быть в самых первых рядах?

– Александр Павлович, рассказывайте всё, – уверенно потребовал я, а министр и начальник службы охраны императора, хоть и приподнял удивлённо брови, но лишь хмыкнул. Кивнув каким-то своим мыслям, он мотнул головой и махнул рукой.

Двери за моей спиной хлопнули, а я вдруг понял, что в помещении мы одни.

– Тогда слушайте, выдам вам главную тайну. Цесаревич Александр сейчас при смерти. Более того, он уже второй год находится в коме. Врачи, как им и положено, лишь разводят руками – очнется ли Александр Владимирович, нет ли,

неизвестно. А магия бессильна. Они пока даже не могут сказать – жив ли мозг? Дескать – все в руках божьих. Поэтому, ещё два года назад, когда государь-император узнал о своем смертельном диагнозе, он распорядился, чтобы подыскали двойника.

В комнате повисла тишина. В голове начал выстраиваться масштаб ситуации, в которой я оказался.

Кутепов, дав мне немного времени перевести дух, вытащил из кармана белоснежный платок и вытер вспотевшую лысину. Однако уже через минуту, он поднялся со стула и громко позвал:

– Дьяченко!

В приоткрывшуюся дверь сразу же вошла голова «свободного художника».

– Да, ваше высокопревосходительство?

– Сообрази нам с Павлом Александровичем кофейку, да по сто грамм коньячку. Ну, к коньяку ещё что-нибудь, сам знаешь.

– Слушаюсь, – кивнула всколоченная голова и Дьяченко исчез.

– А другие наследники? – спросил я едва слышно. И перебивать не хотелось, слишком уж поразил меня масштаб такого объявления. Но и нелогичность ситуации поражала.

Кутепов лишь неопределённо мотнул головой. Он прошелся взад-вперёд, подошел к окну, выходившему во двор-колодец, и задумчиво сказал:

– Иногда думаю – а не лучше бы, если бы вообще сменилась династия? – пробормотал он – глянув в сторону двери. – Провести, как после Смуты какой-нибудь Земский собор, да и выбрать нам нового царя. Вы как считаете?

А я никак не считал. Однако подумав, решил дипломатично подметить:

– Так я не знаю, кто кандидатуры на трон выставит. Может, хорошие люди, а может не очень. Передерутся же все, пересобачатся. Кто захочет столько власти передавать, не будучи уверенным, что сможет свой кусок оттяпать?

– Именно так, – согласился генерал. – Хуже, если только республика в России будет. Придут к власти адвокатишки какие-нибудь, вроде Сашки Керенского, или воротилы, вроде Гучкова, такая Смута начнется, никаким Мининым да Пожарским во сне не приснится.

То, что начнется смута поддерживаю целиком и полностью. Как раз в моей истории и началась смута, когда либералы, пришедшие к власти, практически предали свой народ. И, чтобы не говорили о Ленине и о большевиках, они спасли Россию от распада и разграбления. Лучше бы, конечно, вообще без революции. Но слабое место монархии в личности правителя. Был бы наш Николай чуть-чуть порешительнее, все могло бы пойти по-другому. Как, например, в этом мире: всё совсем иначе. И Николай совсем другой, как я могу судить. Будто подменили...

Я усмехнулся своим мыслям. Ишь, а я уже совсем как мо-

нархист рассуждаю. С чего это вдруг? Всегда считал, что социальная революция – вещь неизбежная и необходимая для России.

– Александр Павлович, разрешите вопрос? – спросил я и, дождавшись кивка генерала, поинтересовался. – У царевича Алексея гемофилия была, а как с Александром?

Как я помнил, мужчины гемофилией болеют, но не являются переносчиками, а женщины, напротив. Но ведь мать цесаревича – это дочь Александры Федоровны, внучки британской королевы Виктории, главной «поставщицы» смертельно опасной болезни.

– У Александра Владимировича тоже была, но слава богу, у нас уже медик был, магией обладающий. А вот при цесаревиче Алексее не повезло. Нечасто среди магических дарований имеются врачебные. Вон, у невесты у вашей есть – Марина Петровна станет отличным диагностом.

Я лишь согласно кивнул. В моем мире за такого врача-диагноста спорили бы все клиники и НИИ, не говоря о больницах. Зарплату бы в миллионы долларов предлагали.

Между тем явился Дьяченко, исполнявший, вероятно, функции денщика, а заодно и телохранителя генерала. Составив с подноса на запыленную скатерть кофейник, две чашки, рюмки с коньяком и блюдо, на котором лежали дольки лимона и кусок шоколада. Разлив кофе, он беззвучно удалился, закрыв за собой дверь.

– Ну, за знакомство, – поднял свою рюмку генерал, при-

нюхался, скривился, отпил глоточек и поставил ее обратно.

– Ага, – кивнул я в ответ, подняв свою рюмку и сразу же поставив ее на место, не отхлебнув и даже не понюхав.

– Хм... – хмыкнул генерал, закусывая свой глоточек ломтем лимона. – А мне докладывали, что вы равнодушны к хорошему коньяку... Я сам-то не великий любитель выпить, но иной раз приходится.

– Если вы настаиваете, могу и выпить, – пожал я плечами. У меня отчего-то любви к горячительным напиткам никогда не было. Напротив, никогда не мог понять – а на кой чёрт люди пьют? А вот кофе я выпью с удовольствием.

– Нет, определенно следует менять агентуру, – опять загрустил Кутепов. – Они, сволочи, больше года из казны деньги получали, а даже в таких простых вещах наврали.

Ишь ты, меня полтора года разрабатывали. Значит, тот Пашка выпить был не дурак, да еще и коньячка? Бывает. Но заступаться за агентуру в университете, которые исправно «стучали» Кутепову на меня, я не стану.

– Значит, меня полтора года пасли?

– Полтора, – кивнул Кутепов, – а на заметку взяли давно, когда вы только на первый курс зачислились, – деловито сообщил Кутепов. – Наследник-то наш, тот ещё оторва, все больше по заграницам любил разъезжать. А двойника, на всякий такой случай, всегда полезно иметь. А вы, Павел Алексеевич, уж очень на наследника престола похожи. Такому как вы, никакого грима не нужно. Ну, а как государь дал

приказ двойника отыскать, тут мы уже и совсем плотненько за вас взялись. Вы, наверное, могли обратить внимание, что и медицинские обследования у вас были чуточку иные, нежели у прочих студентов? Вы же копия Александра, даже группа крови совпадает – вторая положительная.

А вот это интересно. У меня-то группа крови всегда была первая, положительная, самая распространенная. Интересно, в здесь еще генетические анализы не научились брать?

– Даже грешили – а нет ли связи великого князя Владимира с вашей матушкой? Но нет, тут у вас все чисто.

– Матушка очень гордится, что приходится родственником Нарышкиным и Лопухиным, – заметил я. – От Лопухиных-то кровь бы вряд ли досталась, а вот от Нарышкиных...

– Да много ли той крови-то нарышкинской до сего дня дошло? – хмыкнул Кутепов. – И то, если не брать во внимание сплетни, что отцом императора Павла был не Петр. Скорее всего, совпадение.

– Тоже верно, – кивнул я, и набравшись храбрости, видимо коньячные пары смелости придали, снова задал свой вопрос: – А почему император не передаст престол кому-то из ближайших родственников мужского пола? Насколько помню, – прикинулся я правоведом, – император Павел издал указ, прекративший действие закона Петра и требующий, чтобы царем стал лишь представитель по мужской линии, и старший по родству.

Ближайшие родственники государя – родной брат Миха-

ил Александрович, и кузен Кирилл Владимирович. Михаил, из-за органистического брака с особой не царской крови, да еще и «разведенкой», царем стать не может, хотя наследников имеет. Но в феврале семнадцатого, когда Николай отрекся от престола, он передал корону брату, позабыв о своем собственном законе. А что сейчас мешает?

– Государь-император категорически не пожелал, чтобы Михаил с Кириллом, и их потомство корону получили. Может, надеется, что Александр поправится? Но если родственники царя узнают, что наследник в коме, то могут сами на престол свои права заявить. Думаю, вы понимаете, что тогда начнется.

– А Если Александр никогда не придёт в себя, – спросил вдруг я, заставив министра крякнуть.

– А это, даже я не имею полномочий обсуждать. То лишь Богу известно, да его помазанникам.

Глава 7. Уходящая эпоха

После недолгого разговора, по итогам которого я дал своё согласие на полное сотрудничество, а также на все выше озвученные условия, события закрутились с бешеной скоростью. Я едва успевал улавливать сыплющиеся со всех сторон приказы и отчёты об их исполнении.

Первым делом была составлена легенда моего исчезновения.

Как оказалось, несчастного Павла Кутафьева, который решил срезать путь домой через тёмный переулок, подкараулили бандиты. Парня хотели попросту обокрасть, но будущий юрист был не робкого десятка и решил дать отпор.

Подходящее тело нашли спустя пару часов в областном морге. Молодой парень с десятком ножевых, подходящий по комплекции и другим приметам. Ну, а что не подходило под описание, хладнокровные “мясники” из царской службы быстро подправили.

– Главное, его невесту к телу не подпускать. Как хотите выкручивайтесь, – распорядился Кутепов.

Большинство отчётов приходило Кутепову на странный аппарат, который вполне можно было бы назвать рацией, если бы он не был так похож на мобильник из моего времени.

Мы как раз сидели в автомобиле, который повёз меня в неизвестном направлении. Окна в автомобиле были зашто-

рены, и я не имел возможности понять куда именно мы направлялись.

На мои расспросы о точке назначения, получил короткий ответ: “К императору”.

Стоило отъехать подальше Кутепов позволил поднять шторы, и я обнаружил что мы выехали за пределы Петербурга.

Спустя десять минут, Александр Павлович дремал на заднем сиденье, за водителем, а я сидел рядом, поглядывая за окно. Подумал, что министр мог бы посадить меня в машину сопровождения, но предпочел видеть рядом с собой. Видимо не проникся доверием и боялся, что начну болтать с охраной и сразу выдам все тайны.

Как не стыдно признаваться, первые недели, я так погряз в рутине и учёбе, что почти и не гулял. Разве что с Мариной, да порой встречались с Димой Родионовым, когда он меня по юридическим наукам подтягивал, зато теперь глядел по сторонам.

Я с интересом рассматривал проплывавший пейзаж за окном, автоматически отмечая, что нынешние окраины Санкт-Петербурга – совсем не те, что остались в моей реальности, однако совсем ветхих строений и разрухи тоже не наблюдалось. Окраины и окраины.

Были, разумеется, некоторые особенности. Скажем, нет панельных пятиэтажек, зато имеется немало деревянных домов, окруженных огородами и садами. Мелькали ещё и

длинные сооружения, явно барачного типа, потому что на крыше торчало по четыре, а то и по шесть труб. А кто говорил, что бараки – изобретение советской власти? Строили их и в той империи, что осталась в моей реальности, стоят и здесь, где, вроде бы, «золотой век». Промышленность развивается, рабочая сила плавно перетекает из деревень в города, а вот обеспечить всех рабочих жильём строительных мощностей у государства пока не хватает.

Однако что-то основательное здесь тоже строят, это заметно по башенным кранам, попадающимся то тут, то там.

Пока глазел, гнал из головы невесёлые мысли. Бедный Павел Кутафьев скоро будет мёртв, по крайней мере по бумагам. Да и предстоящая встреча с самим императором покоя не давала. А о необходимости заменить наследника престола, я и вовсе думать пока не хотел.

Снова обратил внимание на стройку и краны вдалеке. Интересно, а при помощи магии строят что-то? Способности многих одарённых порой открывает удивительные возможности, но может ли потягаться какой-нибудь маг земли против башенного крана?

Наверное, уж слишком глубоко во мне засел материалист. Магия магией, но от индустриализации никуда мы не уйдём. А всё дело в том, что в дороге все равно делать нечего от того и строю теории основываясь на неполной картине. Для сравнения есть лишь мой старый мир и его достижения, пускай и выстроенные на руинах прошлого мира.

Наконец мы доехали до Царского села, свернули в парк, окружавший Александровский дворец. Как оказалось, в новых реалиях он именуется Новый Царскосельский дворец, об этом Кутепов сказал.

В той жизни я видел этот дворец несколько раз, можно сравнить, но изменений не обнаружил. Разве что – стены выкрашены не в желтый, а зеленый цвет, а перед главным входом, где клумба, установлен памятник Александру Первому. Никаких тебе аллегорий и римских тог, вроде тех, что на Минине и Пожарском, а костюм, сообразный эпохе. Александр Павлович стоит в военном мундире, при шпаге, задумчиво опираясь на стопку книг. Любопытно, а что сия стопка символизирует? Не то лицей, не то создание в России системы народного образования.

Я бы рассматривал и дольше, но меня подхватил под локоток генерал и увлек за собой.

Перед входом в покои задержались. Кутепов смерил меня взглядом, будто хотел что-то сказать. но потом махнул рукой и постучал в дверь.

Не довелось мне в той жизни видеть медленно увядающих людей. Мертвых – да, было дело. Бабушка с дедушкой, по отцовской линии живы, и слава богу, а по материнской умерли очень давно – попали в аварию, когда меня ещё и на свете-то не было.

В комнате, куда меня привели, было темно, если не считать зажженной лампадки перед иконой с изображением бо-

сого человека, склонившегося в поклоне. Скорее всего святой Алексей – человек божий, во имя которого был наречен давно умерший цесаревич.

Пока глаза привыкали к тусклому освещению, а нос – к тому специфическому запаху лекарств, хлорки и ещё чего-то такого, неуловимого, что сопутствует реанимационному отделению больниц или моргу, я слышал шепоток за спиной. Это о чем-то переговаривались Кутепов и лейб-медик. До меня донеслось: «Категорически отказался от морфия, хочет уйти в памяти...»

Речь безусловно шла об иссохшем человеке передо мной.

Если бы не знал, что это и есть Николай Александрович, то ни за что не узнал бы в скелете, обтянутом желтой восковой кожей красавца-мужчину, императора Всея Руси, изображенного на портретах кисти Серова и Репина, и ещё на сотнях фотографий. Волосы выпали, вместо щегольской бороды трехдневная щетина, беззубый рот, а скулы почти проткнули щеки.

Внезапно умирающий открыл глаза. Взгляд, поначалу тусклый, при виде меня оживился, мгновенно став пронзительным.

– Оставьте меня с наследником, – глухо сказал император, не соизволив даже поздороваться. Видимо, просто не счел нужным тратить время на формальности.

– Ваше императорское величество, это не ... – начал объяснять Кутепов, решив, что император обознался, признав

во мне настоящего цесаревича. Но Николай Александрович, собрав силы, прорычал:

– Оставьте с наследником!

От рыка, возможно, последнего в жизни императора, из комнаты вымело и министра, и доктора.

– Сядьте, – приказал мне Николай Александрович и я послушно уселся на стоявший рядом с кроватью табурет. – На тумбочке поильник, дайте попить, – попросил царь.

В ворохе пакетиков и склянок я не сразу отыскал фарфоровый стаканчик с длинным носиком, вроде тех, что предлагают около источников с минеральными водами, а когда нашел, то вначале попытался подать его в руки, спохватился и поднес носик к губам.

– Постоянно хочется пить, а когда пью, то много пить не могу, – словно бы извиняясь перед посторонним человеком сказал император, отпив несколько мелких глотков, потом попросил: – Дайте мне вашу руку.

А это-то зачем?.. Но возражать не стал, хотя и стало немного не по себе. Онкология, конечно, незаразное заболевание, но всё равно не приятно. Пересилив себя, протянул Николаю Александровичу правую ладонь. Тот с трудом подтянул свои собственные руки, ощупал мою кисть сухими горячими пальцами, отбросил ее и приказал:

– Левую...

Слегка удивившись, поменял руки.

Левую ладонь император ощупывал чуть дольше. Помял

внутреннюю часть, погладил внешнюю. Когда наконец оставил мою кисть в покое, уронил свои руки на простынь и сказал:

– Хорошая рука, доброе сердце, чистые помыслы. Александр, вы станете настоящим государем.

Похоже прав был Кутепов, император не в себе. Хотя, может проверка?..

– Ваше величество, меня зовут Павлом, – сказал я, немного оторопев – Не каждый день удаётся указывать помазанникам божьим на их ошибки. Остаётся надеяться, что лекарства не причинили какого-нибудь вреда психике умирающего. Пока что выходит, теперь он принимает желаемое за действительное? Раз решил, что перед ним сидит настоящий внук.

– Вас зовут Александром, – твердо сказал государь. – Вас звали Александром в том месте откуда вы прибыли, а теперь вы Александр здесь. Жаль, что ваше сознание сразу не перенеслось в тело моего внука, но видимо так надо было. Неисповедимы пути ...

Вот тебе и на... Что там писали про императора пророка?

– Как вы догадались? – спросил я, сглотнув тяжёлый ком.

– Я не догадываюсь, – серьёзно глядя на меня ответил император, – я знаю. Вижу, что вы прошли сквозь огонь и смерть, что в вас течет кровь моих предков, а больше мне ничего не надо. Как деду мне больно осознавать, что мой единственный внук умирает, но как государь, я радуюсь этому.

Я ждал какого-то продолжения, но Император Николай не стал говорить, чему это он радуется.

И тут до меня начала доходить вся серьёзность ситуации, а также оговорки Кутепова. Они просто не ждали что настоящий наследник очнётся. Да и царю, судя по всему, осталось недолго. Значит я буду под личиной не простого наследника... Мне предстоит и на престол взойти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.